

Дороги смертников

Автор:

Артем Каменистый

Дороги смертников

Артем Каменистый

Безымянная Империя #2

Этот мир давненько не переживал всех прелестей цивилизованной войны. Но южане это положение исправят: диверсионные спецподразделения, ракетные обстрелы, геноцид и даже, чтоб не мелочиться, оружие массового поражения. Воевать так воевать – на осколках мира тесно, пора бы старым волкам уступить место молодым шакалам.

Вот только ни волки, ни шакалы еще не знают, что за их кровавой грызней внимательно наблюдает тот, кому и целого мира мало.

Артем Каменистый

Дороги смертников

Глава 1

Пересекать моря и океаны можно двумя способами: нормальным и экстремальным. Первый подразумевает наличие надежного корабля или как минимум крепкой лодки, способной выдержать все тяготы пути. Не стоит забывать про запасы продовольствия и пресной воды – при нормальном способе их должно хватить до конца плавания. Желательно иметь также бочки с

пивом и бренди – это помогает скоротать скучный вечерок. Подвесная койка или простецкий гамак в кубрике, а то и в личной каюте, должны быть у каждого. Если вместо судна используется лодка, потребуется полог из навощенной парусины – нет ничего худшего, чем во сне получать уколы от водяных брызг.

Тимур пересекал холодное море способом экстремальным.

Корабля у него не было. Не было и надежной лодки. То сооружение, на котором он дерзнул бросить вызов морской стихии, трудно было назвать даже плотом – у правильных плотов не бывает санных полозьев. А куда деваться: ведь прежде чем спустить свое «изобретение» на воду, ему пришлось пробраться через ледяной ад, таща за собой эту неуклюжую надежду на спасение. Несколько бочонков и досок, сбитых в подобие плотика, держались на воде отлично. Но вот размер плавсредства подкачал – это было похоже на самоубийственную попытку совершить плавание в большом тазу.

С запасами на «корабле» было туговато: кроме китового жира и отходов от вытопки китовой плоти, по сути, больше ничего не было. Несколько сухарей и немного сухофруктов не в счет. Пива не было вообще, как и бренди, но это Тима не смущало – к спиртному он был равнодушен, если не сказать большего. А позорное приключение в Тувисе, из-за которого он и попал в столь неприятную ситуацию, выработало у него стойкую аллергию на алкоголь.

Подвесной койки на плотике не было, как и гамака: их просто некуда подвешивать. Ночи Тим коротал в маленькой палатке, изготовленной из сложенного в несколько слоев паруса, свернувшись в самодельном спальном мешке. И мешок, и палатка отсырели еще во время перехода по ледяному аду, и плавание по холодному морю не сделало их суше.

Еще недавно все было совсем не так – на Крайний Юг Тим попал с комфортом. Под ногами у него была палуба надежного «Клио», спал он в теплом кубрике, на удобной подвесной койке. Корабельный кок кормил команду сытной кашей с солониной, наваристой ухой с кусочками сухариков и специями, тушеной рыбой и соленой сельдью. Жаркое из плоти кашалота матросы запивали пивом, а раз в неделю и по праздникам открывался бочонок с бренди. Тим работал наравне с опытными китобоями, чувствуя себя полноправным членом их большой семьи. Ему не нужно было забивать голову вопросом «Как пережить следующий день?» – для этого были офицеры и капитан. «Клио» шел туда, куда должен был идти, и жизнь, не отягощенная излишними трудностями, была прекрасна.

«Клио» остался в ледяном аду вместе со всей командой. Судьба иногда любит пошутить: убив опытных мореходов, она пощадила безусого паренька-кочевника – сына накхов и человека с неба, – выросшего в степях Эгоны и вышедшего в море впервые.

Хотя насчет «пощадила» – не факт: возможно, просто растягивает его мучения.

Труднее всего было пережить первый день. Налетевший шквал, срывая пену с гребней волн, попытался заодно сорвать палатку вместе с куцым парусом. Тим, спасая ценное имущество, едва не вылетел с плота. Вряд ли он смог бы потом его догнать – вода ледяная, а на теле стесняющая одежда в несколько слоев. После этого происшествия он привязал себя за пояс к мачтовому гнезду.

Волнение, усилившееся к вечеру, заставило его понервничать. Неуклюжий плотик могло попросту перевернуть, и Тим бы замерз в ледяной воде. Но странное дело – неказистая конструкция вела себя на диво устойчиво. Поразмыслив над этим фактом, Тимур нашел целых два объяснения. Первое: размеры плотика невелики, и там, где длинная лодка теряет устойчивость, он ведет себя, словно изометрическая крошечная соринка: постоянно пребывает на ровной плоскости, даже когда его возносит на гребень волны. Второе: массивные полозья, подбитые с боков досками, работают как сдвоенный киль.

Тима поначалу волновали льдины и айсберги – их носило по морю сотнями. Если днем он может избегать столкновений, то ночью это будет невозможно. Но и эту проблему решил легко – попросту спустил парус после заката. Течению все равно что тащить – кусок льда или плотик: оно несет на север все с одинаковой скоростью. Если даже ветер увлечет Тима навстречу опасности, вряд ли столкновение выйдет слишком уж мощным. Да и можно заранее услышать шум от разбивающихся о преграду волн, успеть поднять парус и, может быть, избежать опасности.

Ночью он почти не спал – с тревогой прислушивался к шуму моря, подсакивая при любых его изменениях. То волна вздохнет прямо под плотиком, то вдалеке с грохотом лопнет погибающая льдина или с угрожающим гулом перевернется подтаявший айсберг. Разве тут поспишь?

К качке он был привычен: ведь степняк вырастает в седле – разница с кораблем невелика. На «Клио» ему не приходилось страдать от морской болезни, но здесь

наутро столкнулся с первыми ее симптомами. Пологие валы волн то подбрасывали плотик на вершины, то низвергали в водные провалы. Если корпус большого корабля благодаря своей инерции кое-как смягчал жесткую болтанку, то здесь ничто ей не препятствовало. Как бы ты ни был закален, но сутками трястись, будто костяной шарик в детской погремушке, без последствий не сможешь.

Пережидая приступы тошноты, Тим в промежутках между ними пытался запихать в себя куски застывшего китового жира, запивая их морской водой. Подобная диета желудку не нравилась, и морская болезнь набрасывалась с новыми силами.

Низкий плотик не защищал от брызг – здесь вымокло уже все, что только могло вымокнуть. Сырая одежда кое-как хранила тепло лишь за счет своей толщины: Тим напялил на себя все, что было. Чувствовал он себя сейчас как тяжеловооруженный имперский аристократ в кованых доспехах: об этих железных крепостях любил рассказывать дед Ришак. Сырость тревожила – здесь, конечно, потеплее, чем в ледяном аду, но тоже несладко. Если не доконает вода, то добьет холод.

Сколько дней ему придется провести в море? Этого Тим не знал. Карта, по которой он проложил маршрут, была не слишком надежной: Крайний Юг исследован слабо, белых и «полубелых» пятен хватало. Да и то, что изображено детально, не внушало доверия. Хотя один раз ему с нею повезло: отталкиваясь от картографических данных, он сумел проложить маршрут к западному краю паковых льдов и спустил свой плотик на воду. Тим рассчитывал, что течение само потащит его на север, – останется только с помощью паруса стараться уходить к западу, чтобы в итоге добраться до побережья Атайского Рога. К сожалению, при такой болтанке он не мог проводить астрономических измерений и точно определять широту, так что оставалось продолжать доверять капитанской карте в этом вопросе и надеяться, что течение достаточно быстрое и его плавание не затянется.

Да оно и не может затянуться – он просто не продержится долго. Уже первым утром Тим заметил, что плотик начал подозрительно скрипеть, а левый борт в ритме скрипа движется вперед и назад. Несмотря на гвозди и веревки, конструкцию все же начало расшатывать.

На третий день плотик заметно наклонился на правый борт. Объяснение этому было лишь одно: в какую-то из бочек, придававших сооружению плавучесть, проникла вода. Тим выбирал для этого строительства самые лучшие – крепкие и новенькие, щедро промазывал швы китовым жиром, оборачивал вощенной парусиной. Увы, не помогло – вода нашла лазейку.

Всего в плотике было восемь бочонков-поплавков, и потеря одного сказывалась на плавучести не фатально. Но ведь это может оказаться только началом беды: если вода проникнет в еще один бочонок по правому борту, то крен уже выйдет очень значительным. Это резко ухудшит устойчивость конструкции. Рано или поздно волны перевернут плотик, и Тим погибнет.

Бороться с этим он не мог: в море бочонок не починить. Оставалось одно – делать то, что делал и раньше, не обращая внимания на угрозу. Днем Тим чутко следил за ветром и при малейшей возможности поднимал парус, направляя плотик к западу или северо-западу. Ночами, свернувшись в сыром спальнике, он дрожал от холода и проклинал всех, из-за кого здесь очутился: деда Ришака и тайное общество степных воинов, пославших его за море; имперцев, в давние времена ставших причиной появления глупого пророчества о мальчике, сразившем дракона; коварных тувисских шлюх, из-за которых он устроил резню в борделе. Киты и кашалоты также получили свое – их он проклинал за то, что они злодейски исчезли с курса «Клио», из-за чего капитан завел корабль в смертельную ловушку Южного материка.

* * *

Утром пятого дня Тим заметил, что крен исчез и плотик выровнялся. Он не верил в чудеса: вода из затопленного бочонка уйти не могла. Значит, она затопила новый бочонок – уже по левому борту, – это и стало причиной выравнивания. Увеличившаяся осадка плотика говорила о том же. Теперь даже самая мелкая волна норовила обдать Тима тучей брызг.

Это конец: еще одна-две бочки – и ему придется сидеть по уши в воде. Хотя разница с нынешним положением невелика – одежду хоть выжимай, как и спальник.

Странное дело – он выбирал лучшие бочонки и был уверен, что они способны продержаться чуть ли не год. Почему они «сдуваются» один за другим? Что он

сделал не так? Может, просто стоило задержаться у «Клио» подольше, добыть смолу и законопатить щели понадежнее?.. Хотя что сделано, то сделано...

Погода, будто издеваясь над пленником моря, решила сегодня побаловать. Низкая облачность растворилась, остались лишь редкие белые облака. Солнце светило вовсю – от сырой одежды иногда начинал подниматься пар. Будь дело на корабле, Тим легко просушил бы сейчас все свои тряпки. Но как это сделать на крошечном плотике? Никак...

Наблюдая за ветром, Тим не забывал поглядывать и за горизонтом. В этих местах, богатых добычей, нередко появлялись китобои. Встреча с таким кораблем станет спасением. Хотя, если вдуматься, шансы мизерные: южные моря огромны, а судов вроде «Клио» очень мало. Обитатели этого мира еще только начинали осваивать охоту на жирных гигантов, и китобойный промысел оставался большой экзотикой.

Да и китов не видать – за все пять дней Тим ни разу не заметил их признаков. Из живности ему попала лишь огромная неизвестная рыбина, тащившаяся за плотиком пару часов, да еще на айсбергах иногда встречал отдыхающих морских птиц. Похоже, киты не только от «Клио» прятались, а и от всего с ним связанного. Даже Тима до сих пор избегали, хотя он не представлял для них ни малейшей опасности.

* * *

Киты появились перед рассветом шестого дня.

Тим не спал. Ночью очередной бочонок сдался под напором стихии, и плотик серьезно склонился на левый борт. Теперь волны не только пускали брызги, но и перекачивались иногда через крошечную палубу. Если раньше Тим по ночам просто замерзал до мозга костей, то теперь и кости, и мозг в них, похоже, проледенели. При каждом движении ему чудилось, что в суставах трещат кристаллы льда. Тело болело так, будто его неделю палками дубасили: сказывались сырой холод и почти постоянное существование в скрюченном состоянии. За все эти дни он ни разу на ноги не поднимался, да и не распрямлялся полностью.

Мозг, видимо, тоже замерз – он не сразу осознал, что рядом с плотиком резвятся киты. Повернув голову, в предрассветных сумерках различил, как чуть ли не в десятке шагов по левому борту под водой скользнула огромная масса. Фонтан выдыхаемого пара поднял за собой тучу брызг, несколько угодили Тиму в лицо. Он даже не поморщился – все равно на нем уже нет ни одного сухого места. Странно, что он до сих пор еще жив. Видимо, море не столь уж ледяное или мокрые тряпки все же создают хоть какую-то защиту. Было бы неплохо, разнеси кит сейчас плотик ударом хвоста. Это деяние взаимовыгодно: морской гигант смог бы отомстить за гибель сородича, убитого рукой Тима, и одновременно избавил почти околевшего парня от долгих страданий.

Глядя, как мимо плота проходит стая кормящихся кашалотов, Тим отчетливо понял: вряд ли ему удастся пережить этот день. Человек, попав в холодную воду, живет считанные минуты. Тим пока просто мокрый, но это всего лишь оттягивает неизбежный конец. Не очень-то много...

Киты, не обращая внимания на курьезное сооружение, прошли мимо. Это было достойное стадо – не меньше четырех десятков исполинов. Повстречайся они «Клио», китобои при минимуме везения надолго были бы обеспечены работой. Пару туш принайтовили бы к бортам, еще несколько пустили бы «на флаг» – дрейфовать по течению, издав маяча бело-оранжевым полотнищем на длинном флагштоке буйка, привязанного к гарпуну, вонзенному в бок кита.

И «Клио» бы не отправился на Крайний Юг в поисках добычи.

И не нашел бы свою смерть...

Тим с трудом переборол апатию – шевелиться не хотелось, да и напрягать ноющие суставы не хотелось еще больше. В старости они ему припомнят все – отомстят букетом болезней, нажитых от этой пронизывающей сырости. Вот только не дожить ему до старости, если обстановка не изменится в лучшую сторону. Причем немедленно не изменится...

Присев, Тим склонился над бочонком-кладовкой. К его крышке была прикреплена медная банка корабельного компаса. Взглянув на плавающую стрелку, покосился на тонкую ленточку, развевающуюся на макушке короткой мачты. Ветер юго-восточный – то, что надо. Придется выдержать новую битву с апатией и поставить парус. У него одна надежда: добраться до Атайского Рога

быстрее, чем его доконает холод.

Солнце выглянуло из-за горизонта, его лучи заиграли на верхушках волн, подсвечивая гребни. Плотик вознесся, Тим, взявшись в этот момент за веревку, поднимающую рею, смотрел на запад и успел заметить какую-то несообразность. Понять, что именно было не так, он не успел, потому что плотик пошел вниз, проваливаясь в водяную впадину.

Дождавшись, когда море вновь потащит своего пленника наверх, ухватился за мачту, привстал, жадно уставился на запад... Есть! Суша! Между рваными ледяными полями и айсбергами, где-то на горизонте, из моря вздымались серые угловатые вершинки, подсвеченные солнечными лучами.

Атайский Рог? Или забытые всеми богами скалы, не отмеченные на карте? Да какая разница! Ведь это – суша, то есть как минимум шанс сдохнуть на твердой земле! А максимум – возможность починить плотик, обсушиться или вообще закончить плавание, если это действительно побережье Атайского Рога.

Парус, поймав ветер, упруго затрепетал, потащил плотик за собой. Воздух наполнился птичьими криками: огромная стая проследовала за китами. Хитрые пернатые намеревались полакомиться морской живностью, драпающей от опасности вверх: кашалоты не охотились в поверхностном слое, предпочитая добывать пропитание в глубинах моря. Лишнее подтверждение тому, что Тиму земля не почудилась, – до этого он ни разу не видел здесь такого огромного скопления птиц.

Если капризный ветер не переменится, он доберется до суши еще до полудня.

* * *

Ветер не переменился. Вот только все оказалось не совсем так, как представлял Тим.

Как и все накхи, с морем он был знаком только понаслышке и до того, как попасть на борт «Клио», видел его лишь однажды. Степняки не любили забредать лишней раз на побережье – по негласному уговору, тамошние земли в давние времена были выделены колонистам из заморских стран под

виноградники и поселения. Это было взаимовыгодно: через них накхи вели торговлю со всем миром – имперский аристократ считается посмешищем, если у него нет чистокровного эгонского скакуна. Существовал и еще один источник дохода, особый: все колонии выплачивали степнякам немалые деньги. Они называли это платой за охрану караванных троп и защиту степных просторов от разбойников. Хотя накхи считали, что занимаются совсем не этим, и называли все эти выплаты гораздо короче – всего лишь одним словом: «дань». Насчет разбойников и вовсе смешно – они обитают лишь на побережье и свои носы не суют в земли кочевников. Впрочем, разночтение в толкованиях не мешало мирному сосуществованию – лишь бы не называли платой за пользование дочерьми степи, а все остальное накхи стерпят. Пусть неженки с побережья потешат свою мелкую гордость.

Степной народ умеет держать слово: получая дань вовремя, кочевники не занимались грабежом колоний. Те, кто не желал выплачивать денег за «охрану караванных троп», заканчивали обычно скверно. На побережье Эгоны было целых два города, в свое время отказавшихся от сомнительных услуг кочевников. Правители первого пошли на это просто из-за глупости, во втором понадеялись на очень серьезные укрепления и тактически выгодное расположение на высоком мысе. Первый город войско степняков сожгло дотла, затем пепелище распахали, засеяли злейшим сорняком-корчаком и полили местами крепким раствором сулемы – ртутной отравой. Мастеровых людей угнали в становища – их труд и знания начали служить новым хозяевам. Остальных продали в колонии, где практиковалось рабство. Второй город постигла аналогичная неприятность – и стены не помогли. Эти походы оказались столь прибыльными, что многие вожди начали вести настоящую пропаганду, уговаривая совершить подобное со всеми колониями. Но их быстро остудили: нельзя заготавливать изюм, вырубая виноградники. Первый сбор действительно может оказаться рекордным, зато потом не получишь уже ничего.

Вот так и получилось, что степняки не приближались к берегам без лишней надобности и с морем знакомы не были. И Тим подсознательно считал, что все берега аналогичны – как те, что он видел возле Тувиса. Широкие пляжи, ласковый прибой, мелководье, удобное для маневров как лодок, так и неказистых плотиков.

Берег Атайского Рога оказался вовсе не таким.

Никакого пляжа вообще не просматривалось – издалека казалось, что волны разбиваются о вертикальную скалу. Это ландшафтное явление не слишком способствовало удачному причаливанию и заставило Тима неприятно озадачиться. Но мало того: до негостеприимного берега не так-то просто было добраться. Куда ни кинь взгляд, везде торчат злые скалы или коварно выглядывают из волн спрятавшиеся камни. Они повсюду – провести через этот хаос плотик будет непросто. Будь у Тима вельбот с командой опытных гребцов – провели бы наверняка. Но на столь неказистом, отвратительно управляемом плавсредстве...

Когда до ушей донесся злобный рокот разбивающихся волн, Тим понял: пора что-то решать. Кое-как размявшись – на раскачивающемся маленьком плотике это было трудно сделать, – он начал готовиться к худшему – крушению. Скинул всю лишнюю одежду, оставшись в шерстяных штанах и безрукавке из вытертого лисьего меха. Холщовую рубаху обернул вокруг пояса, крепко связав рукава узлом. Перед этим завернул в нее «комплект для выживания», который поможет не околеть после высадки, – огниво с кусочками трута, запечатанные в обмазанную китовым жиром деревянную солонку, и плотно свернутую карту. Прихватил также кошелек со скромной медью и свернутой рыболовной снастью – лесками из конского волоса и крючками. В плавании он пару раз пытался ловить рыбу, используя в качестве наживки кусочки огарков китовой плоти, но безуспешно. Может, на берегу ему повезет больше?

В бочонке, прежде используемом в качестве кладовой, он разместил запасы посолиднее – если плотик разобьет о скалы, возможно, ему удастся добраться до берега, удерживаясь за него. Вода очень холодная, но Тим не слабак – Тим протянет несколько минут без проблем.

В этот бочонок уложил моток веревки, топорик, матросский нож, второе огниво и кувшинчик с трутом, свернутый кусок парусины, парусиновый пакет с комками застывшего китового жира, второй пакет с прожаренными кусками отходов вытопки жира, мешочки с солью и сухофруктами, точильный камень. Последние сухари трогать не стал: их он сейчас слопает, густо обмазав жиром: почему-то не хотелось попасть в воду с пустым желудком. Остаток места заняли одежда и запасные ботинки с войлочным верхом.

Крепко забил тугую крышку, промазал щели все тем же китовым жиром. Обвязал бочонок куском гарпунного линя. За спину повесил меч. Немного подумав, оставил в покое лук: он отыскал свое оружие в капитанской каюте, вот только ни

стрел, ни тетивы не обнаружил. Так что необязательно над ним трястись: сейчас это просто бесполезная конструкция из дерева и роговых пластин, скрепленных сухожилиями. Тим и без того нагружен под завязку – не стоит это усугублять.

Все, к экстренной эвакуации он готов.

Присев перед мачтой, заставил тяжестью своего тела хоть немного выровняться плотик. Поднес ко рту первый сухарь, густо намазанный жиром, откусил.

Морская болезнь почему-то испарилась бесследно – Тим жевал опротивевшую пищу бесстрастно, челюсти двигались, будто у механической куклы.

Немигающий взгляд устремлен на приближающийся берег: сейчас для него не существовало ничего другого. Он уже прекрасно видел, что первое впечатление было ошибочным. Волны разбивались не о скалы, а о мелководье. Уже далее, перед настоящей скальной стеной, тянулась узкая полоска каменистого пляжа. Вот на него-то Тим и высадится.

Если сумеет преодолеть полосу прибоя и острые зубцы рифов.

* * *

Плотик налетел на скалу, когда до берега уже можно было без напряжения добить из лука.

Тим провел его через все рифы, хотя сам считал, что это невозможно. Он издали углядел среди камней подобие прохода – участок, где смертельных преград было поменьше. Легче в бурю перейти пропасть по натянутому канату, держа при этом над головой наковальню, чем провести поврежденный плот через этот кошмар, используя лишь потрепанный маленький парус на перекосившейся мачте и трокель китобоя в качестве весла. Но Тим это сделал: все – до самого берега впереди чистое море.

И в этот триумфальный миг волна безжалостно опустила плотик на скрытую под водой скалу, установленную Судьбой специально для обламывания таких вот упрямецев.

Мачта с треском вылетела из гнезда, рухнула на Тима, накрыв его обвисшим парусом. Под ногами разъехались доски палубы, удар новой волны вогнал Тима в

эту щель, нога крепко застряла в переплетении изломанных деревяшек. На какой-то миг он запаниковал, но лишь на миг. Поборов первый порыв, не стал пытаться вытаскивать ногу с силой. Нехорошо получится, если он обдерет мясо до костей о занозистую древесину и торчащие гвозди. Ухватившись за бортник, присел, успел набрать в легкие воздуха, прежде чем очередная волна перевернула плотик.

Вода на миг обожгла, а застрявшую ногу едва не переломило в колене. Не держись Тим за бортник, наверное, вообще бы оторвало. Почувствовав, что в капкане, сжимающем голень, вроде бы стало свободнее, попытался выбраться. И в этот момент плотик опять ударило о скалу. На этот раз еще серьезнее – его, похоже, разнесло в щепки.

Освободившийся Тим, изо всех сил стараясь не хапнуть воды вместо воздуха, пытался понять, где он вообще находится. Перед глазами пенится вода – где здесь верх, не понять. Волны у скалы бились столь яростно, что, очевидно, утащили плотик и застрявшего в нем человека на глубину.

Это плохо.

У Тима уже перед глазами начало темнеть, когда очередная волна вытянула его на поверхность. И все это лишь для того, чтобы в тот же миг накрыть водным валом: он даже солнышком не успел полюбоваться. Пытаться бороться с силой стихии было бесполезно – его завертело, будто соринку в водовороте. Сейчас или разобьет о скалу, или утопит в полосе прибоя, в каком-то шаге от спасения.

Тима ударило грудью о дно. К счастью, не сильно – волна уже потеряла свою мощь, но все же от удара из легких выбило весь воздух. Непроизвольно хватая ртом воду, он изо всех сил оттолкнулся от каменной поверхности, рванул вверх – навстречу солнечному свету, пробивавшемуся через беснующуюся толщу моря. Вынесся на поверхность резко, будто пробка из бутылки с игристым вином. Наверное, даже над морской поверхностью взмыл. Втянул в себя с хрипом огромную порцию воздуха.

Вовремя: новая волна вновь попыталась его утопить. Не тут-то было – он уже ученый. Не стал сопротивляться напору – это бессмысленно. Просто постарался не потерять ориентацию. Как только вода растеряла свою силу, уверенно рванул вверх. Тим вырос в степи, вдали от моря. Но в Эгоне хватало широких

рек и глубоких озер – плавать он умел неплохо. И это умение сейчас спасало ему жизнь.

Очередная волна вообще обошлась с ним почти ласково – Тим мгновенно вырвался наверх, но тем не менее при этом успел зацепить ногой дно. Море теряет силу на мелководье! Да он же уже возле берега, наверное!

Так и оказалось. Волны, не сумев удержать свою добычу, пропустили настойчивого парня к суше. Пошатываясь и оступаясь на валунах, он по шею в воде брел к каменному пляжу. Накатывающиеся валы сбивали его с ног, а отходящие потоки норовили утащить назад, в море. Не на того напали – приседая, Тим хватался за камни на дне, переживал опасный момент и продолжал брести вперед.

Воды стало по пояс – у волн уже не всегда хватало силы сбивать с ног. Затем воды сделалось по колено. Затем он ступил на обнажившееся дно – россыпь серых галек и валунов. Камни были мокрые, на них сверкала пена – сюда доставал прибой. Чувствуя за спиной нарастающий рокот разбивающейся волны, Тим наперебор последние силы, рванул вперед, шатаясь, будто пьяный, добрался до сухого берега, рухнул на камни лицом вниз, замер.

Холодное море выжало его, как тряпку. Ныли многочисленные ссадины и ушибы, болью отдавался каждый вздох истерзанных легких. Силы покинули Тима – даже моргнуть было столь же трудно, как поднять на плечах упитанного бычка. Мозг обволакивала пелена забвения – голова тоже отказывалась работать. Что-то не так... Проклятье – он ведь замерз. Гипотермия. Если он сейчас сдастся, то провалится в вечный сон. На этих холодных камнях ему не согреться.

Тим так и не понял, откуда взялись силы на эти мысли, а уж откуда они взялись на последующие действия, даже не хотел понимать. Тело, ставшее неподъемным, слушалось плохо, но ему все же удалось присесть. Промороженные суставы скрипели при каждом движении, и справиться с одеждой оказалось непросто. Но все же справился – вскоре он остался голым. Теперь придется ползти дальше – ему надо найти место потеплее. Камни, даже нагретые солнечными лучами, оставались холодными. И это несмотря на полдень.

Уже под скалой, подпирающей полосу пляжа, он нашел то, что искал. Маленькая проплешина среди валунов – зернистый серый песок. Наверное, его нанесло в этот карман ветром. Песок – не камень: песок умеет нагреваться быстро.

Отогреваясь на теплой поверхности, Тим улыбнулся. Последний раз он улыбался в тот день, когда покинул ледяной ад на своем плотике. Впереди его ждала неизвестность, но позади оставалась страшная определенность, так что повод улыбнуться был.

В тот раз он победил лед. В этот раз – море. Чем не повод для улыбки?

* * *

Накхи, как и элляне, называли этот мир Нимаилисом. Имперцы выражались покороче – Нимай (эти примитивные людишки любили все упрощать). Лесной народ, покинувший потерявшую свои леса Эгону еще до появления кочевников, придумал самое длинное название: Намайилееллен (в их языке вообще короткие слова не ценились). Все, кроме экипажа установки, называли мир Тима почти одинаково (экипаж установки считал, что это Земля будущего, – правда, мнение это было неоднозначным).

Нимаилис – старый мир, изуродованный Древними. Но до солнца их воинственные лапы не добрались – светило оно по-прежнему хорошо, даже в этих южных широтах. Лишь ближе к экватору его лучи терялись в пыльном кольце, оставшемся на месте орбиты огромной луны, не пережившей войну. Но здесь ничто не преграждало их путь к каменному пляжу на берегу Атайского Рога. И согревали они достойно – Тим быстро справился с позорной слабостью переохлажденного организма. Встряска, конечно, бесследно не прошла, но он уже не был тем почти парализованным умирающим телом, которое с час назад вырвалось из бурунов прибоя.

На теплом песочке валяться было приятно, но пора бы и честь знать – когда скроется солнце, песочек вмиг станет холодным и возникнут некоторые проблемы. Присев, Тим первым делом занялся обследованием организма – надо было оценить заработанные повреждения. На руках обнаружили ссадины, на груди наливался синяк. Правая нога при крушении плотика пострадала сильнее всего – что-то распоролось голень. Рана небольшая и, как ни странно, почти не кровоточила – кожа вокруг осталась чистой. Видимо, холод сжал сосуды. Ну что

ж, выходит, даже ледяная вода может совершать полезные дела: Тиму даже не придется хлопотать над раной. Крови нет, на вид чистая – сама затянется.

Тим живучий: на нем все как на собаке зарастает. В детстве, правда, переболел всем, чем только можно переболеть, но без фатальных последствий. Зато теперь, в пору взросления, о болячках вообще позабыл – ничто к нему больше не приставало. А вот все его сестры и братья умерли в младенческом возрасте...

Закончив осмотр тела, Тим поднялся, пошел назад, к морю. Там, на краю линии, до которой докатывались волны, собрал одежду. Валяясь кучкой на холодных камнях, она, разумеется, не высохла. Не страшно – на ветерке да под теплыми солнечными лучами высохнет быстро.

Воткнув меж валунов несколько палок (разной древесины по берегу валялось немало), Тим развесил на них все тряпки и ботинки. Пара часов – и он будет в сухой одежде. А пока что можно и голым побродить: зрителей здесь нет. Прохладно, конечно, но не смертельно – вытерпит. Капитанскую карту осторожно расстелил на огромном валуне, обложил камешками, чтобы не унесло ветром. Чернила поплыли, но прочитать при желании можно многое.

Теперь надо попробовать найти обломки плота – возможно, ему удастся обзавестись чем-то полезным. Атайский Рог – это южный мыс густонаселенного имперского материка, вот только с населением в этом месте туговато. Тиму не на кого рассчитывать – он здесь один. Селений нет, дорог нет, даже корабли не подходят к этим берегам: им нечего делать возле одной из самых страшных язв, оставленных Древними. У Тима есть отличный эгонский меч – изогнутый клинок длиной чуть побольше руки, из отличной олабекской стали. Кое-какая одежда, огниво, рыболовные крючки и волосяная леска. Это не столь уж много, чтобы чувствовать себя обеспеченным.

Когда-то Егор рассказывал Тиму длинную историю про человека, который попал на необитаемый остров и прожил на нем много лет. В этой истории смущало одно: в первый же день главный герой истории стал обладателем сокровищ разбитого корабля. Там нашлось все, что помогло ему справиться с природой и людоедами, периодически устраивавшими на острове свои жуткие пикники. Но и это еще не все – через несколько лет ему достался еще один корабль.

Тим, слушая историю очень внимательно, многого в действиях героя не понял. Тот, к примеру, титаническими усилиями изготавливал доски вручную из бревен, хотя мог без проблем набрать их на тех кораблях. Выдрать, к примеру, из палубного настила. Или эпизод с попыткой построить лодку – соорудить ее удалось, но вот спустить на воду не получилось. Зачем начал работу, не подумав, как будет ее завершать? Егора подобные замечания Тима иногда ставили в тупик. В конце концов он заявил, что эту историю надо воспринимать как сказку, не придираясь к мелким несообразностям. Или смириться с тем, что герой – обычный человек, имеющий право на ошибки.

Но все же Тиму было безумно интересно узнать – что стало бы с героем, не будь у него подарков в виде тех кораблей? Выжил бы он? Сумел бы наладить быт? Остался бы человеком или одичал?

Похоже, Тиму представился шанс узнать все это на своей шкуре...

Южное море оказалось жадным – оно не отдало суше обломков плотика. Кое-что Тим обнаружил, но этого оказалось слишком мало, чтобы почувствовать себя обеспеченным «робинзоном». Один бочонок – к сожалению, из тех, что были поплавками, а не кладовкой, – трокель на длинном древке, истрепанный кусок парусины, прежде бывший палаткой, войлочный ботинок с многослойной кожаной подошвой, пара досок и мачта со спутанными в затейливый узел кусками гарпунного линя.

Все находки Тим стаскивал к той самой песчаной проплешине, спасшей его от холода. Здесь от ветра можно было укрыться за огромным валуном – хорошее местечко для временного пристанища.

Расхаживая по побережью в поисках обломков плотика, Тим не забывал изучать окрестности, надеясь найти что-нибудь съестное, и подбирал куски дерева, пригодные для костра. Южное течение, омывавшее этот берег, не слишком щедро – деревья на Южном материке не росли. Непонятно, откуда вообще сюда занесло эти обломки. Видимо, местному сырью для костра пришлось немало попутешествовать.

Кроме жалких останков своего имущества и плотика, Тим не обнаружил ни малейших следов человека. Наверное, здесь никого не было со времен древней войны, едва не уничтожившей мир. Плохой признак – раз никто сюда не

заглядывает, значит, никому здесь ничего не надо. Здесь нет лежбищ морских животных с ценным мехом и жиром, сюда не заходят косяки деликатесной рыбы на нерест. Узкая полоска безжизненного побережья, а за ним...

Впрочем, о том, что простирается за ним, лучше не думать: не хватало еще оттуда беду накликать.

Изучая выброшенную волнами морскую траву, Тим находил в ней запутавшиеся куски панцирей ракообразных, плоские створки ракушек, рыбью чешую, какие-то осклизлые образования – возможно, останки медуз или их родни. В этом море должна быть пища, вот только как ее прибрать к рукам? При таких волнах не может быть и речи о попытке что-либо раздобыть.

Решив отложить вопрос с пропитанием до завтра, Тим до темноты провозился с обустройством лагеря. Из парусины сделал наклонный навес, защищающий от ветра и дождя и заодно отражающий тепло костра. Натаскал кучу древесины, развел огонь. Дыма было много – дрова в основном сыроватые, но и тепла хватало. Ночью Тим не замерзнет – это главное.

Спать улегся в гряде высохших водорослей – разумеется, не снимая одежды. Солнце здесь днем греет отлично, вот только не стоит забывать, что он находится на южной оконечности Атайского Рога. А здесь и посреди лета снежок выпасть может.

* * *

В становище Тим обычно просыпался от криков петухов. Здесь их не было, но урчащий желудок оказался неплохим заменителем – попробуй только не встань. Костер прогорел, холодная сырость пробирала до костей. Докопавшись в золе до тлеющих углей, Тим настругал мечом тонких щепок, разжег огонь, отогрелся. Лишь затем высунул нос из своего убежища, оценивая обстановку.

Как он и предполагал, наступило время отлива. Но, увы, волнение не улеглось – нечего было и думать о том, чтобы пошарить по мелководью в поисках даров моря. Значит, придется поработать ногами – надо найти местечко получше.

Тим побрел на север. Рано или поздно ему придется отправиться туда, в сторону цивилизованных земель, так что пора начинать разведывать путь. Поначалу ему не везло на приятное разнообразие: он преодолел не менее трех миль, но не нашел ничего – все тот же скалистый обрыв, полоска безжизненного пляжа под ним и волны, ревушие среди скал.

Неприятное место.

Зато удалось найти кое-что из имущества: дощечку от разбитой бочки и приличный кусок парусины – похоже, раньше он устилал днище плотика.

Ему пришлось пройти еще примерно столько же, прежде чем ландшафт начал изменяться. Сперва Тим заметил, что полоска пляжа заметно сузилась, а дальше истончается еще значительно. Затем путь ему стали преграждать каменные завалы, и скорость продвижения сильно упала. Местами он пробирался по самому краешку суши – ботинки обдавало брызгами. Во время прилива пройти здесь будет непросто. Когда пляж и вовсе пропал, ему пришлось карабкаться по осыпям и скалам, в надежде обогнуть преграду поверху.

Оказавшись наверху, Тим в первый миг замер от потрясения: никогда до этого ему не приходилось видеть ничего подобного. Слышать слышал, но вот увидеть...

Древние, воюя меж собой, не мелочились. Уничтожить остров для них было так же просто, как Тиму высморкаться. Континент изуродовать – тоже не проблема. Да что там континент – они даже луну в небе сумели в пыль стереть, и теперь у Нимаилиса осталось два искалеченных спутника вместо трех нормальных.

За кромкой берегового обрыва обнаружился один из шрамов давней войны. Исполинская воронка диаметром в морскую милю, если не больше, вгрызлась глубоко в низкое плоскогорье. Море чуть дальше пробило себе дорогу, превратив это увечье в мелководный залив, усеянный обломками. На другом его берегу виднелись какие-то подозрительно правильные скалы – наверняка остатки древних грандиозных сооружений. Чудо, что там вообще что-то смогло уцелеть: страшно представить мощь оружия, способного сотворить подобное. Если предположить, что это был термоядерный взрыв... Нет, бред – таким взрывом Нимаилис бы с орбиты сорвало, наверное. Это было что-то другое – оружие колоссальной мощи, секрет которого сгинул вместе с создателями.

Тим недолго любовался наследием войны Древних и не стал забивать себе голову лишними размышлениями. Он нашел, что искал: прилив еще не начался, а мелководный залив хорошо защищен от морских волн. Здесь наверняка найдется чем поживиться.

Спуститься вниз оказалось делом непростым – стенки воронки почти вертикальные, и тропинок не наблюдается. С большим трудом нашел какое-то подобие безопасного спуска и, ухитрившись ни разу не повернуться, добрался до берега.

Залив оказался совсем не похожим на море: мелкий, с прозрачной водой – лишь легкая рябь нарушает ее спокойствие. Еще сверху, спускаясь, Тим мог разглядеть каждый камешек на дне. Косяков рыбы он при этом не заметил, но это его не смутило: не может быть, чтобы в такой чистой воде не нашлось чего-нибудь съестного.

Раздевшись, он сложил одежду на плоском камне, побрел в сторону воды. Дно залива, обнажившееся в прилив, было неровным и мокрым – ноги скользили по влажным водорослям, постоянно приходилось огибать глубокие лужи. В одной из них Тим засек нечто интересное – ловкое ракообразное, шныряющее со скоростью рыбы. Из снастей у него были только руки, и ему пришлось нелегко – обитатель лужи был шустр, как муха. Но Тим не сдавался и, потратив несколько минут, обзавелся первой добычей – здоровенной креветкой длиной почти в ладонь. Под хвостом у нее бугрилась икра. Очевидно, у этих ракообразных пора нереста, вот и лезут на тихое мелководье.

Целенаправленно исследуя лужи, Тим поймал еще четыре креветки. Добравшись до самой большой в округе лужи, достойной называться мелким озерцом, увидел, что креветок здесь десятки. Но как их поймать? Шустрых членистоногих не загонишь в тупик – простора для маневров слишком много. Размышляя над этой проблемой, он заметил на дне нечто подозрительное: плоская ракушка явно сдвинулась с места. Здесь хватало белесых створок от моллюсков, но эти останки обязаны вести себя смиренно.

Тим забрался в воду почти по пояс, нагнулся, намереваясь ухватить странную ракушку. Но не успел даже дотронуться до нее – та прыгнула, будто лягушка, в один миг отлетев на пару шагов. Тут уж даже степняк поймет, что с этой прыткой раковиной не все чисто. Тим, не обращая внимания на холод, загнал прыгучего моллюска в удобный тупичок, где смог прижать ногой ко дну. В таком

положении добыча не могла больше стремительным хлопком закрывать свои сворки, и ускользнуть у нее не получилось.

Имперские аристократы обожали есть устриц – раз они такое ели, то и Тим слопаёт. Возможно, это и не совсем устрица, но сейчас не до тонкостей биологической терминологии.

В другой луже Тим поймал морскую звезду. Это странное создание выглядело крайне неаппетитно, и он не решился отправить его в лужицу, где складировал добычу. Да и без звезды улов неплохой – часа за два нахватал пару десятков креветок и три «прыгучие» ракушки. Помимо этого, уже под конец, он догадался начать переворачивать камни – и поймал под ними парочку разъяренных крабов приличного размера: панцирь с трудом охватывался ладонью. Он бы и дальше продолжал ловлю – до темноты вернуться успеет, – но начинающийся прилив быстро затапливал его «охотничьи уголья».

Завернув улов в найденный до этого кусок парусины Тим, перед тем как уйти, забрался на узкую длинную скалу, будто низким причалом вдающуюся далеко в залив. Глубины под ней были приличные – всадник, стоя на лошади, не дотянется до поверхности рукой. Присев у воды, Тим долго наблюдал за жизнью морских обитателей. Его терпение было вознаграждено: помимо многочисленных креветок он заметил добычу посерьезнее. У дна скользили смешные плоские создания, другие серебристые рыбины, вполне нормальные на вид, часто проскакивали во всех слоях воды. Размеры радовали: некоторые экземпляры длиной с ногу взрослого мужчины. Хотя такие гиганты показывались изредка – в основном здесь суетилась мелочь, не дотягивающая и до трех ладоней по длине. Крабов на дне шныряла целая армия – иногда в поле зрения Тима их одновременно было около десятка. Они даже под камни не прятались – ходили с предельно наглым видом, явно ничего не опасаясь. Возможно, в заливе у них нет врагов, а может, просто из врожденной глупости ведут себя столь беспечно.

Тим сильно пожалел, что оставил свое имущество в месте высадки. Конечно, бродить налегке удобнее, вот только причин покидать этот благодатный залив нет: здесь он сможет обеспечить себя едой, да и укрыться от ветра будет проще.

Назад пришлось топтать в спешке: начавшийся прилив стремительно надвигался на местное узенькое побережье. Пробираться по скалам Тиму не хотелось – вот и пришлось поднажать. Местами приходилось разуваться, уберегая обувь от воды:

она здесь уже докатывалась до скальной стены. Лишь удалившись от язвы древней войны, смог сбавить темп: дальше экстрима не предвидится.

Углей в костре не осталось, так что Тиму пришлось вновь браться за огниво, расходуя драгоценные запасы трута. Дров сегодня экономить не стал: завтра он покинет это место, так что можно развести огонь посерьезнее. Добычу испек в раскаленной золе. Крабы и моллюски оказались восхитительными, особенно моллюски. Теперь он начал понимать имперскую аристократию. Креветки подкачали – специфически горчили, да и сильно подгорали. Но Тим проголодался настолько, что готов был навоз из-под коровы лопатой в рот кидать, и такие мелочи его уже не огорчали.

Молодой, растущий организм требовал калорий – ужин его не устроил, хотелось еще. Плохо: придется опять ложиться на голодный желудок и просыпаться под его недовольное урчание.

Трапезу Тим запил вкусной водой. Здесь не было родников, но он, наколов еще поутру льда от выброшенной на берег льдины, насыпал его в бочонок и оставил на целый день. Весь не растаял, но и того, что получилось, хватило утолить жажду. Моря Нимаилиса не слишком соленые, но все же неприятно пить эту бурду день за днем на протяжении недели.

Завтра Тим переберется к заливу, немного отъестся на дарах моря – и продолжит путь: ему нужно продвигаться на север, к обитаемым землям.

Глава 2

Сеул, Дербитто и Пулио попали в Тарибель не просто так, а по делам службы. Столичная управа наделила их не по рангам огромными полномочиями: в этой провинции они подчинялись лишь наместнику. Никто, кроме него, не имел права им приказывать, зато все были обязаны оказывать содействие в их деятельности. Не всегда это содействие получалось своевременным и значимым – провинциалы столичных гостей недолюбливали. Но жаловаться было грешно: десятник Викис, помогая дознавателям, потерял самое ценное – жизнь, а вечно всем недовольный префект выделил далеко не худших своих людей для этого дела.

Сегодня Сеул, Дербитто и Пулио пили. Пили они также вчера. И позавчера тоже. Пили мрачно – не для развлечения души, а потому что не пить было нельзя. Наместник приказал им отдыхать, и они отдыхали. Не стоит думать, что отдых и пьянка – для них равнозначные понятия. Просто так получилось. Для начала они уселись помянуть десятника Викиса, младшего столичного стражника Зириса и нюхача Бигля, погибших от рук бандитов. Сливовая наливка изумительно пошла под нурийское жаркое, и павшие были помянуты достойно.

Затем пили уже просто так, без серьезной причины. Если, конечно, не считать серьезной причиной надежду избавиться от тягостных воспоминаний. Все они побывали на волосок от смерти – это достаточно неприятно и заслуживает попытки залить мрачные мысли вином. Кроме того, безумно жаль было Бигля – старичок уже практически на пенсии был, и тут на тебе... Пулио и Сеул с первых дней работы его знали, да и Дербитто, как не последний стражник, сталкивался с ним нередко. Безобидный, чуть суетливый дедушка, прекрасно знавший свое дело и хранивший в голове огромный архив, немногим уступающий управскому. Особенно неприятно, что главари убийц до сих пор не наказаны – наместник отложил дальнейшие поиски на потом. У него, конечно, были для этого веские основания, но все равно очень неприятно.

Вот как тут не пить?

На второй день, решив, что с поминками пора завязывать, Пулио громогласно намекнул о наличии в Тионе двух приличных борделей, а также здесь имелось немало блудливых мещанок и даже аристократок, охотно присоединившихся бы к празднику тройки столичных гостей. Последние, в отличие от обитательниц борделей, могли обойтись недешево, но команда дознавателей не бедствовала, да и наместник подкинул кругленькую сумму «на отдых». Так что все располагало к знакомству с местными дамами. Но Сеул и Дербитто посмотрели на младшего товарища столь красноречиво, что больше он про это не заикался.

К вечеру третьего дня их нашел нуриец Одон.

Он выбрал для этого не лучший момент. Троица, решив, что с крепкими напитками нужно завязывать, перешла на пиво. Увы, сделали они это уже после того, как прикончили бутылку виноградной водки под все то же жаркое и голубей, начиненных овощами. Смешивать напитки в организме можно, но лишь строго следуя правилу «от слабого – к сильному». В итоге банальное пиво

довело мужчин до жалкого состояния. Дербитто подремывал, временами всхрапывая и клюя носом в остатки недоеденного голубя, Пулио, попытавшись сплясать без музыки, поспорил с насмехавшимися над его потугами завсегдатаями, в ходе потасовки заработал великолепный синяк и смотрел на мир теперь только левым глазом. Сеул, поставив перед собой жбан пива, немигающим взглядом изучал глубины этого хмельного водоема и даже глазом не моргнул, когда рядом с ним присел молодой нуриец.

Одон не из тех людей, которые любят церемониться, и начал без приветствия:

– Вас сейчас безрукий младенец может передушить. Мне жаль на вас смотреть, и я не пойму, почему вы еще живы. В Тарибели есть много опасных людей, желающих вашей смерти. Не понимаю, почему они медлят?!

Сеул, не отрываясь от созерцания содержимого кружки, меланхолично пояснил:

– Час назад Пулио попытался сплясать, но споткнулся о табурет и упал. Некоторые посетители сочли, что это смешно, и этого не скрывали. Пулио вступил с ними в неравный бой, но тут... Видишь, у дверей за парой столов несколько серьезных мужчин сидят? Третий день там сидят – ничего не пьют и не кушают. Один уходит, на его место другой с улицы заходит. Вот они тогда дружно поднялись и так навешали всем, кто лупил Пулио, что городские лекари на неделю вперед теперь работой обеспечены.

– Это ваша охрана?

– Охрана? Наша? Нет, у нас осталось лишь двое стражников, прихваченных из столицы, и они отдыхают в своей комнате... с бочонком пивка. Думаю, господин префект решил, что защита нашим телам не помешает... Вот и сидим мы, как члены Императорского Совета: со своей охраной.

– Эддихот – тупица, но даже он понимает, что вы ведете себя безрассудно. Вам надо прекратить это.

– А зачем? Мы имеем право на отдых... Эй! Пулио! Мы имеем право отдохнуть, после того как разгромили эту шайку в приюте?!

Пулио, пластом валявшийся на лавке, выказывая согласие со словами Сеула, приоткрыл непострадавший глаз и громко испортил воздух.

– Вот видишь – даже Пулио согласен. А это много значит. – Сеул, все так же не отрываясь от созерцания поверхности жидкости, воздел палец к потолку: – Пулио, шалопай эдакий, вечно со всеми не согласен. Но если уж согласился, то, значит, так оно и есть!

Одон, презрительно сплюнув на пол, прошипел:

– Пока вы тут жрете, моя Ригидис остается в лапах этих отбросов! Я зря защитил тогда ваши жизни – вы бы хоть погибли как мужчины! Не спасут вас люди префекта: перережут вам всем глотки! Вы связались со своей смертью – начинайте поминать сами себя!

Нуриец, вскочив, еще раз плюнул на пол и, не обращая внимания на напрягшихся «посетителей», занимавших два стола возле выхода, выскочил из трактира с такой прытью, что едва не разнес двери. Пулио, очнувшийся от грохота, громко и четко сообщил на весь зал:

– Друзья, я, похоже, сейчас наложу в штаны.

Сеул и Дербитто отнеслись к его заявлению с сочувствием и, приняв во внимание беспомощное положение товарища, решили ему помочь. Сами едва держась на ногах, они подхватили Пулио под руки и поволокли в угловую дверь. Через нее можно было попасть во множество мест: во внутренний двор, в комнаты наверху, в переулок, по другую сторону которого стояла их гостиница, и, разумеется, в сортир тоже можно было попасть этим путем. Дербитто, едва не заваливаясь на каждом шаге, временами издавал какие-то мычащие звуки, Сеул был подозрительно тих и передвигался семенящими шажками, ноги Пулио все время норовили завязаться узлом, а из уголка его рта потянулась ниточка слюны.

Посетители трактира, с интересом наблюдая за их маневрами, начали биться об заклад, что вся троица завалится прямо в нужнике. Некоторые – из тех, кто сидел у дверей, – потянулись вслед за пьяными гостями из Столицы: видимо, хотели насладиться зрелищем их позорной немощи.

Сыщики были жалки, потасканы непрерывным пьянством и выглядели плохо. Если ночью возле проклятого погоста для казненных некромантов их встретила бы беременная молодуха, страдающая заиканием, то ничуть бы не испугалась. Более безобидную троицу мужчин трудно было вообразить.

* * *

Одон, выскочив из духоты трактира, рванул на шее застёжку воротника, зашагал, не разбирая дороги. Ему не хватало воздуха – мужчину душила бессильная ярость. Впервые столкнувшись со столичными сыщиками, он был потрясен их грамотными методами работы, умом, оперативностью и полным презрением к любым местным авторитетам. Эти люди не притворялись – они были теми, кем казались. Никаких дешевых выкрутасов, все реально. Десятники стражи префекта у них на побегушках работали, а полусотники стучали в дверь и на пороге униженно просили разрешения войти. Канцелярских писарей Сеул легко выгнал из кабинета парой слов, прибрав помещение для своих нужд.

Молодого нурийца это впечатлило. Ему показалось, что этим господам подвластно все и с ними у него будет реальный шанс отыскать свою невесту или хотя бы за нее отомстить. Он признал их авторитет и готов был подчиняться.

Увы, не все им подвластно... не все... Приказ наместника в один миг превратил их из смертоносной группы, способной раскрыть самый хитроумный заговор и сразу покарать преступников, в кучку жалких пьяниц. Ему до сих пор в это не верилось, но ведь он видел это своими глазами! Будто хребты у них повынимали, превратив в слизняков. И как он мог подумать, что они способны разыскать его Ригидис?! Да они завязок на своих штанах найти неспособны!

Чуть придя в себя, Одон огляделся и понял, что идет туда, куда ему идти незачем. Скорректировав курс, покинул оживленную улицу, свернув в узкий переулок. Здесь он не переставал плевать и невнятно проклинать пьяных сыщиков, но при этом уже не забывал об осторожности – поглядывал вверх. В таких тихих местечках хозяева не опасаются надзора стражей и частенько выливают нечистоты из окон. Если прозеваешь это дело – серьезно запачкаешь костюм.

Уже на выходе из переулка за спиной послышались быстрые шаги, и незнакомый голос скороговоркой поинтересовался:

– Уважаемый господин, вы случайно не знаете, есть ли поблизости хороший плотник?

Одон, не сводя внимательного взгляда с окон над головой, даже оборачиваться не стал для ответа идиоту:

– Ты, должно быть, кретин? Откуда в Тионе хорошие плотники? Те, что есть, втроем кривого табурета сбить не сумеют. Этим имперским пьяницам молотком по гвоздю никогда не попасть. Они даже когда друг друга имеют, никогда с первого раза не попадают. И вообще ты мимо вывески гробовщика только что прошел, вот к нему и шагай – он тебе точно поможет... по деревянной части...

На последних словах Одон заработал под колено столь сильный удар, что, мгновенно перестав унижать местных плотников, плюхнулся на пятую точку, больно ушибив копчик о загаженную деревянную мостовую. Нурийца трудно застать врасплох, но здесь, практически в центре столицы провинции, среди бела дня... Он думал, что хоть немного расслабиться можно.

Зря думал.

Одон не растерялся – нурийцы в таких случаях не теряются. Завалившись на спину, он выбросил руки вверх, справедливо надеясь, что ему удастся ухватить наглеца за лодыжки, после чего он его попросту в узел завяжет, а потом вытрет паршивцем все дерьмо в переулке – здесь ведь давненько не убирали.

Увы, реализовать свой план Одон не успел: еще один ублюдок, шагнув из ниши между домами, врезал валяющемуся нурийцу ногой в пах. Боль оглушила, заставила свернуться в воющий клубок. Грубые лапы подняли беспомощное тело, сноровисто накинули веревки с затягивающимися петлями, засунули в рот что-то огромное и вонючее, обыскали, забрали два ножа и кошелек, затащили в какое-то очень тесное и неприятное место... Затем мгновенно потемнело.

Начав приходить в себя, Одон по раскачиванию своего узилища и некоторым картинам, замеченным, несмотря на болевой шок, понял, что его закинули в багажный ящик кареты и эта карета сейчас куда-то едет. Нуриец не был дураком и понимал, что место, куда его везут, ему может не понравиться – слишком нехороший способ приглашения, да и перевозят его крайне

неуважительным способом. Как и всякий сын своего народа, он не был кристально честным человеком, и грехов за ним водилось немало. Но хоть убей, Одон не понимал – за что именно с ним можно обращаться подобным образом?

Похитители знали свое дело – связали пленника умело. Имперец бы сдох, но даже ослабить подобные путы не смог бы. Однако нурийцы – не имперцы: они постоянно пребывают в готовности к самым разнообразным жизненным ситуациям, в том числе и неприятным. Едва не выламывая пальцы, дотянулся заломленными за спину руками до пояса, нащупал еле заметную выпуклость, надавил, заставив выбраться короткое косое лезвие. Осторожно, стараясь не рассечь кожу, принялся подрезать веревку. Сейчас освободится, вытащит третий нож, припрятанный за спиной, и покажет этим незаконнорожденным сынам шелудивых собак, как нурийцы тремя движениями потрошат упитанных поросят.

В этот момент карета остановилась, и грубоватый, но достаточно добродушный голос громко поинтересовался:

– Вы куда претесь?! У вас глаза повылазили?! А?!

Возница, очевидно, не нашелся что на это ответить, поэтому неизвестный чел необходимым пояснить свой вопрос:

– Весь город знает: дальше проезда нет ни для кого. Хоть ты на карете, хоть на подводе – никому нельзя. Слив там переделывают, и мостовую поверху уложат новую, каменную. Не видел разве, что камень у перекрестка был навален? А? Повылазило? Разворачивай свой гроб, да побыстрее!

Опа! Похоже, похитители нарвались на городского стражника. А Одон, к несчастью, даже крикнуть не может – вонючий кляп не дает. Оно и к лучшему – стража может не одобрить его намерения выпотрошить предварительно кастрированных похитителей. И вообще – откуда здесь, в Тионе, новая каменная мостовая? Камень для брусчатки обтесывали рабочие в мастерских семьи Одона, и он точно знал, что новых заказов давно не было. Неужто выгодный контракт перехватили городские конкуренты – имперские криворукие пьянчуги, неспособные отличить хороший камень от сухого конского яблока? И это после всех взяток, полученных городским советом! Какие плохие новости – отцу это не понравится. А если отцу что-то не нравится, виновный должен умереть. Надо

будет с этим делом срочно разобраться, после того как закончит с ублюдками.

Ящик опять затрясло – карета начала разворачиваться. В этот же миг где-то над головой отрывисто хлопнула дверь – даже стекло зазвенело. Кто-то приглушенно вскрикнул, затем пару раз что-то сочно хлопнуло – Одон готов был поклясться, что это лупят тупым твердым предметом по мягкому телу. Скорее всего, человеческому.

Обескураженный происходящим, он не переставал трудиться над путами и вскоре освободил руки. Ноги развязал уже с легкостью – и только затем избавился от мерзкого кляпа. Крышка ящика не захотела открываться, хотя он прилагал для этого немалые усилия. Видимо, закрыта надежно. Плохо дело – придется подождать, когда ее откроют.

Вытащив припрятанный нож, Одон приготовился ждать. Главное, выскочить сразу, быстро – такой прыти от связанного пленника не ждут. А там видно будет: если врагов окажется много, перережет почти всем глотки, а парочку оставит для вдумчивого расчленения. Если немного, то фарш из половины. Это явно не нурийцы – не тот почерк, а имперских головорезов Одон не боялся. Достойные среди них почти не встречаются, да и на тех управу найти можно. Им удалось его застать врасплох, но больше он им подарков делать не намерен.

Карета между тем продолжала движение. Никаких подозрительных звуков больше не доносилось – обычный шум улицы и скрип плохо смазанной оси. Вероятно, проблем у похитителей не было и тот странный шум имел безобидное объяснение.

Карета подпрыгнула на крутом повороте, резко остановилась. Наверху слышалась какая-то зловещая возня – будто мешки с награбленным добром выгружают. Или трупы. Насторожившийся Одон вытер о штанину чуть вспотевшую ладонь, сжал рукоять ножа. Сейчас ящик откроют, и он начнет резать.

Но тут случилась очередная неожиданность – снаружи слышался голос. Голос был хорошо знаком, и его хозяина он здесь встретить не ожидал. Если бы сейчас с ним заговорил покойный прадед, он бы удивился гораздо меньше.

– Одон, не суетись – сейчас мы тебя вытащим из этого ящика. Если ты там уже развязался и сидишь с топором наготове, не спеши никого рубить – здесь все свои. Слышишь меня?

– Сеул?! – недоверчиво уточнил нуриец.

– А кто же еще! Не дергайся – сейчас тебя выпустят.

Загремел замок, крышка ящика распахнулась. Одон прищурился, ожидая удара солнечных лучей по неподготовленным глазам, но этого не последовало. Карета стояла в просторном сарае: уютный сумрак, запах соломы, какие-то неприятные железные предметы, свисающие со стропил.

Над ним склонился рыхловатый плешивый мужичок. Остатки коротких кучерявых волос будто кольцом овечьей шерсти окружали его блестящую лысину. С насмешкой подмигнув поросычьим глазком, незнакомец добродушно произнес:

– Выходите, герцог, – карета прибыла.

Прирезать этого шутника, что ли? Без причины, просто так – для снятия нервного напряжения.

Сарай оказался непрост. У семьи Одона таких было немало: снаружи сарай как сарай, а вот внутри ничто не соответствует наружности. Вот так и здесь – Одон еще ни разу в жизни не видел, чтобы в порядочном сарае имелась пыточная дыба, кандалы болтались на стенах, а на столе виднелась россыпь столь зловещих инструментов, что захотелось немедленно признаться во всех мыслимых и немыслимых грехах, лишь бы не узнать, для чего они предназначены. Мужичка, открывшего ящик, он тоже вспомнил. Доводилось видеть пару раз, когда тот на предвратной площади вешал людей по приговору суда. Ему и тогда он не сильно понравился, да и сейчас симпатий не прибавилось. Не будь рядом Сеула с Дербитто – точно бы прирезал: на всякий случай.

Но больше всего Одона удивили столичные сыщики – Сеул и Дербитто стояли возле кареты будто памятники воплощения трезвости. Пулио расположился рядом с кучкой серьезных ребят, заковычавших в кандалы тройку мужчин. Самое

удивительное – у этого молодца больше не было синяка, и смотрел на мир он в оба глаза.

– Пулио, твой глаз уже смотрит? – Одон не сдержал изумления.

– А куда он денется, – невозмутимо ответил сыщик.

– Что все это значит?! Я только что видел вас всех троих: вы были так пропитаны вонючим бухлом, что от вашего дыхания мухи на пол сыпались! А сейчас вы выглядите так, будто ноги вашей никогда в трактире не было!

Сеул, усмехнувшись, скупно пояснил:

– Все сыщики – хорошие актеры, при необходимости могут сыграть даже женщину беременную, не то что пьяницу.

– Так вы что, решили бродячий балаган устроить для заработка – и тренировались?!

– Нет, Одон, – мы ловили рыбу на живца.

Нуриец, не сдержавшись, хлопнул себя по голове, яростно выпалил:

– Если вы мне немедленно не скажете, что это было, я здесь устрою что-нибудь плохое!

– Одон, не горячитесь, – мягко попросил Дербитто. – Господин Сеул под своими словами подразумевал способ ловли преступников на приманку – жертву. В нашем случае мы ловили людей из шайки похитителей. Им, разумеется, мы все безумно интересны – нечасто ведь у них такие потери бывают. В то же время они понимают, что мы умеем себя защищать и побеседовать с нами будет непросто. А без разговора никак – им нужно знать, что нам известно, откуда мы вообще взялись и каковы наши планы. Того, что им могли рассказать в управе, явно недостаточно. Вот и пришлось нам целых три дня пьяных дураков из себя изображать. Пьяный – легкая добыча: даже охрана рано или поздно даст маху, и кого-то из нас должны были попытаться схватить. А на этот случай у нас по округе свои люди караулили – далеко уйти не дали бы никому.

- Так они схватили меня, перепутав с вами?! - не понял Одон.

- Сомневаюсь. Видимо, они знали о вашем участии в разгроме их логова и решили, что вы - достойная добыча. Вот только они не рассчитали, что мы и за вами следили.

- Не понял! Вам же запретили продолжать это дело!

Сеул, усмехнувшись второй раз, возразил:

- Ошибаешься - нам разрешили отдохнуть, но никто при этом не запрещал нам продолжать работать. Конечно, на свой страх и риск. Возможно, наместник будет несколько недоволен, но формально мы в своем праве.

- А все эти ваши помощники откуда взялись?!

- Господин префект крайне недоволен тем, что на его территории нагло действует целая организация похитителей, и с радостью предоставляет нам любую помощь. Мы решили, что не стоит использовать помещения управы: там слишком много посторонних глаз. Будет нехорошо, если бандиты узнают о наших действиях.

- Да и в сарайчике удобнее, - отозвался Пулио. - Это тебе не в подвале управы работать, под надзором городского совета. Там, прежде чем пару иголок под ноготь загнать, придется долго ждать разрешения. А тут нам бумаг не надо, правда, Тикль?

Палач, перебирая на столе свои зловещие железяки, кивнул:

- А зачем мне бумаги? Мое дело маленькое: ноздри вырвать или прижечь что-нибудь, а с жалобами пусть столичные господа разбираются. Я вообще с такой работой грамоту почти позабыл.

Одон, кое-как призвав свои разбегающиеся мысли к порядку, обернулся к скованным похитителям, зловеще осклабился:

– А давайте я им сам сейчас яйца отрежу – без палача справлюсь. Обнаглевшие бродяги: осмелились поднять руку на человека семьи Ртчи!

Палач, недовольно поморщившись, сокрушенно вздохнул:

– Ну что вы за люди, нурийцы?! Готовы в хрустальные вазы гадить – лишь бы гостиную завонять! Яйца – это вещь тонкая: отрезать недолго, а ведь назад уже не поставишь. Нет, вы не подумайте плохого – я не имею ничего против отрезания, но зачем же так грубо обращаться со столь ценным материалом? Вот отрезал – и что дальше? Покричит да перестанет, и уже не прижмешь угрозой – дело-то сделано окончательно. А вот если осторожненько мошонку надрезать и яичко клещами сжать, да по верхушечке ногтем щелкнуть, то ведь совсем другое дело получается. Клиент орет так, что у крыс тюремных роды преждевременно начинаются, и готов к честному разговору. Понимает ведь – мы это дело можем повторить очень много раз. А можем и вовсе отрезать – это ведь покажется ему еще более болезненным. Молодой человек, боль сама по себе – ерунда, человека страшит лишь ее ожидание. А если разом отчикать все это нежное дело, то чем пугать? Да нечем уже. Так что не будем торопиться.

Одон словам профессионала внимал серьезно – не будучи глупцом, при любой возможности старался приумножить свои познания. Рассказывая нурийцу о тонкостях палаческого ремесла, Тикль ни на мгновение не прекращал подготовки к чему-то неприятному. Разложив над жаровней последние железяки, он бодренько отрапортовал:

– У меня все готово. С кого будем начинать?

Сеул пожал плечами:

– Вам виднее. Хотя для начала надо попробовать поговорить с ними без всего этого.

Повернувшись к побледневшим пленникам, дознаватель спросил:

– Кто из вас главный?

Глазки у всех троих забежали, но затем как бы сами собой взгляды парочки устремились на третьего – самого невзрачного из преступников. Низенький, неряшливый, нездорово пухлый, с лицом столь красным, что об него можно свечи зажигать.

– Вытащите кляп у этого, – приказал Сеул.

Палач быстро исполнил указание. Толстячок, сплюнув сгусток слюны, злобно прошипел:

– Я горожанин в третьем колене, меня можно пытаться лишь в ратуше – и только после разрешения городского совета.

Сеул покачал головой:

– Уже нет: в такое время мы имеем право не дожидаться разрешения, если дело идет о преступлениях первой категории.

– Разве нурийца в ящик закрыть – это уже первая категория? – с деланным изумлением протянул бандит. – За это вообще-то награждать положено – хорошее ведь дело! И вообще: какое такое время?

– Дело не в нурийце, и вы это прекрасно понимаете. А насчет времени... Армия Хабрии сегодня утром вторглась на территорию Северной Нурии. Северная Нурия – одна из стран Альянса, таким образом, Империя сейчас находится в состоянии войны.

– О чем вы?! Какая война?!

– Удивлены? – усмехнулся Сеул. – Я же сказал – сегодня утром. Новости просто не дошли до широких масс, но нам они уже известны. Любая война – это автоматическое военное положение в сопредельных пограничных провинциях, в том числе и в Тарибели. Законы военного положения позволяют многое. Мы, к примеру, можем оставить вас безо всего, что только можно отрезать у мужчины, и до окончания жизни ваш обрубок будут таскать шайки нищих, используя для выклянчивания подаяний, – военное положение допускает применение пыток с увечьями для государственных преступников. А ваша шайка похитителей

действует по многим провинциям и под определение государственного преступления подпадает. Ну так как – желаете говорить со мной или с Тиклем?

* * *

Фока не был легитимным кетром Хабрии. Он занял это почетное место, собственноручно зарубив предыдущего кетра. Но тот, в свою очередь, оказался на этой вершине с помощью аналогичного трюка. Так уж повелось: власть на северной границе мира – это не только высшая ценность, но и проклятие. Если ты вознесся, держи ухо востро: сжимая в руках металлические предметы, к тебе уже подбираются очередные соискатели. За последние двести лет лишь два кетра из сорока семи умерли без посторонней помощи. И то с одним вышло слишком уж сомнительно: бедняга ухитрился выпасть из окна, когда его на пирушке замутило, и при этом в лепешку расплющил голову о мягкую землю в цветнике. Насчет второго тоже уверенности нет: умер он в своей постели от горячки, и вроде бы признаков отравления не было. Но кто может поклясться, что там все чисто было – при такой-то красноречивой статистике?

А все Империя, будь она проклята... Ублюдки, с трудом контролирующие свою огромную страну, не имели сил на широкомасштабные войны с соседями и решали пограничные проблемы весьма просто – препятствовали усилению сопредельных государств. Золото, дипломатия, интриги, шантаж и убийства негодных чужими руками – все шло в ход. Если в стране хватает внутренних проблем, ей не до агрессивной внешней политики. И сколько бы ни стоило для имперцев создание этих проблем, это все равно обходилось гораздо дешевле войны.

Фока, для того чтобы захватить власть, пошел на сговор с имперцами. Эти глупцы ошибались, считая, что с этим на вид глуповатым солдафоном не будет проблем. Предыдущий кетр – Леймон – вызывал у них серьезное беспокойство. Старик с дивной прытью занялся парочкой приграничных мятежей, подавил неплохо организованный заговор и активно принохивался в сторону Шадии и Северной Нурии. Он публично осмеливался заявлять, что присоединение этих исконно хабрийских земель – вопрос времени.

Фока пообещал имперцам, что Шадии отдаст часть мятежных земель, а для имперских купцов уберут последнюю пошлину (и без того символическую). Он пообещал подавить некромантов, для чего заранее согласился допускать

жреческих дознавателей на территорию Хабрии. Он даже обещал признать вассалитет Альянса и принять имперских протекторов в портовые города. Да что там говорить – он готов был пообещать, что уничтожит в небе обе луны, пощаженные Древними, лишь бы ему помогли занять костяной трон кетров Хабрии.

Империя помогла.

Там, где пасует многотысячная армия, легко может победить единственный мул, навьюченный мешками с золотом. Старого кетра предали лучшие друзья, соблаздившись на подарки Фоки и его щедрые посулы. Он получил не только власть, но и ценное знание: не стоит иметь друзей на таком посту. И вообще не стоит иметь рядом с собой людей, способных вонзить тебе нож в спину.

Старого кетра народ любил: он был расточителен на обещания, нередко организовывал зрелища для черни или массовую раздачу татиев – подарков от казны. А постоянными помилованиями преступников, уже стоящих на эшафоте, вызывал у тупых народных масс приступы буйного умиления – дегенераты такие сцены обожают.

Фоку народ ненавидел.

Первым делом он убил всех, кто предал старого кетра, нарушив абсолютно все свои обещания и создав опасный прецедент. Теперь заговорщики трижды подумают, стоит ли клеветать на посулы нового претендента: ведь он может поступить с ними аналогично. В этой зачистке Фока не стеснялся перегибать палку – «виновных» уничтожал вместе с родными, обескровив несколько семей подчистую и породив первую волну беженцев-аристократов. Имущество казненных было конфисковано – этим он немного наполнил казну, истощенную фаворитками предшественника и бесконечными раздачами татиев. Деньги, отнятые у тех, кто привел его к власти, позволили ему начать то, что он задумал давно. Очень давно...

Четырнадцатилетний мальчишка своими глазами видел казнь отца. Атор Хабрии Мурц Гиватор был известен на всю страну по двум причинам: первая – он являлся главой антиимперской партии, выступавшей за агрессивные действия; второе – внебрачных связей у почтенного атора было настолько много, что он

сам их уже не мог все упомянуть.

Фока был одним из внебрачных детей Мурца Гиватора и лишь благодаря этому остался в живых. Имперцы, спровоцировав отца на мятеж, сумели добиться от тогдашнего кетра радикальных мер – атор был казнен со всей семьей. Но при этом никто не стал озадачивать себя охотой на незаконнорожденных ублюдков.

А зря – некоторые ублюдки чтят своих непутевых отцов и бывают злопамятны.

В восемнадцать лет Фока стал одним из заговорщиков, поменявших кетра. По стране ходила легенда, что этот юнец на штурм покоев толстого старика явился с вонючим ведром и затем собственными руками держал его голову в помоях, пока владыка Хабрии не захлебнулся.

Легенда врала – Фока не настолько глуп, чтобы штурмовать дворец с грязным ведром в руках. Он просто с силой надел на голову старого врага ночной горшок, заполненный плодами страхов низвергаемого кетра, и без изысков вспорол ему брюхо.

Следующего кетра Фока прикончил без фантазии – попросту зарубил в день своего двадцатичетырехлетия, сделав себе оригинальный подарок. У него не было к нему ненависти – ему просто нужно было освободить костяной трон для себя.

Отец был отомщен лишь наполовину: теперь следовало браться за имперцев.

Имперцы об этом не догадывались – они наивно ожидали от нового кетра исполнения «предвыборных обещаний». Фока врал не краснея, обещая им все больше и больше, жалуясь на происки врагов, постоянно кланча деньги и слезно умоляя помочь в решении многочисленных конфликтов. Вот как только все уладится, он сразу все выполнит, а пока он просто не имеет для этого достаточно власти. Посол Империи, по сути «параллельный кетр» Хабрии, стал считать Фоку своим лучшим другом. А как иначе, если молодой кетр не жалеет подарков, чуть ли не ежедневно придумывая новые и новые. То земельный надел преподнесет с замком и парой деревенок, то золотую ночную вазу, то тройку ласковых пухлых мальчиков, то изысканную карету с четвериком редчайших эгонских рысаков.

Посол в итоге превратился в ручную птичку Фоки, разве что из ладони зернышки не клевал. Аналогично вели себя и остальные соглядатаи Империи – новый кетр никого не забывал. Если кто-то слишком уж рьяно пытался заботиться о государственных интересах своей страны, с ним очень быстро происходил несчастный случай. Причем Фока лично следил за расследованием каждого такого случая, и его усилия не раз позволяли обнаружить виновных. Это, как правило, оказывались высшие аристократы Хабрии, что свидетельствовало об антиимперских настроениях в их среде. Посол, закидывая Столицу депешами, в итоге получил добро на кардинальное решение вопроса с заговорщиками – без помощи Империи кетру такая задача не по плечу.

Высшая аристократия в Хабрии перестала существовать. Когда-то это была опора государства. Но в итоге горстка людей имела реальной власти побольше, чем у кетров, и нисколько не считалась с последними. Кетр сегодня есть, завтра нет, а они были всегда и будут. Так им казалось. Фоке было смешно наблюдать за их казнями – читать растерянность на холеных лицах. Высокородные снобы до последнего не верили, что это происходит с ними.

Конкуренты были устранены – теперь у Фоки появилась настоящая власть. Полная власть над Хабрией. Двести лет на костяном троне не было полноценного кетра – до Фоки, бывало, их власть ничего не значила за пределами периметра замковой стены.

Пришла пора выполнять свои обещания. Хабрийцы, которых он раздавил руками имперцев, уже не потребуют своего: трудно что-то требовать, лежа в безымянной могиле на кладбище для преступников. Редкие счастливики сумели спастись, бежав из Хабрии, – без своего состояния и орды соратников они недостойны требовать чего-либо. Остаются имперцы – трудно ведь будет и дальше водить их за нос. Все препятствия уже сметены, пора платить по счетам.

На второй день после казни братьев Тона и Раната, представителей древнего рода Уохвов, случилось неслыханное. Простые эши, городские стражники Тавании, устроили налет на один из респектабельных домов, коих немало стоит на набережной Мины. В доме они нашли немало интересного: комнатку, оборудованную курильницами и запасами итиса; коллекцию древнего фарфора, год назад украденную у казначея Хабрии; два расчлененных трупа в подвале и там же кучу костных останков в печи для подогрева воды в бассейне. Хватало и других следов незаконной деятельности, а самое пикантное – в одном из покоев был найден посол Империи: досточтимый аристократ на огромной постели

развлекался сразу с тремя малолетними мальчиками. И надо же было такому случиться, что эши в одном из детей с ходу опознали похищенного сына почтенного атора Димнаса Кати.

К великому сожалению (для посла сожалению), прежде чем про эту прискорбную историю узнал его друг, кетр Хабрии, дело получило широкую огласку. Атор Димнас Кати поднял в Тавании мятеж, разгромил посольство Империи, перерезав немало его обитателей. Сам посол спасся чудом – благодаря Фоке.

Фока преподнес случившееся как доказательство того, что его власть пока еще слишком слаба, раз он даже в столице не смог сохранить порядка. Заикающийся посол (а заикаться он начал после той страшной ночки) подтвердил все его слова и панически потребовал от императорского двора помочь верному союзнику расправиться с его врагами.

На этом же этапе уже окончательно обнаглевший Фока начал возвращать золото назад, в Империю. Только не в казну он его слал. Имперцы – странные люди: у них даже первые лица государства иной раз испытывают острую нужду. И сколько им ни дай, все мало. Взять хотя бы законного наследника – старшего сына императора. Дурак, развращенный с малолетства, не отягощенный какими-либо моральными принципами. Дай ему власть – неизвестно, что с ней делать будет. Максимум, на что он способен, – издать закон, по которому вся Империя должна считать его женщиной, или еще что-нибудь в таком духе учудить. На фоне младшего Монка он выглядит престарелой шлюхой рядом с богом смерти. Все, что у него есть, – право первородства. Вот только Монк не тот человек, который стерпит на троне подобный бурдюк с результатами поноса, – Монк его держит раскаленными щипцами. Все, что может Олдозиз, – это устраивать дешевые кутежи в самом вонючем уголке замкового сада. Но даже на эти дешевые кутежи у него частенько не хватает средств. А Фоке для хорошего человека денег не жалко: святое дело – помочь законному наследнику трона. Фока бы полжизни не пожалел, чтобы поставить Олдозиза императором. Вот только не по силам ему подобное повернуть...

Хотя как знать...

Найдя подход к наследнику, Фока через него нашел массу людей, недовольных деятельностью Монка. Им всем тоже было нужно золото. Всегда нужно. Через некоторое время они тоже готовы были клевать корм с рук хабрийца – привязывать людей к себе он умел. Золото – лишь наживка: клюнул – считай,

попался.

Золотом, обещаниями и обманом он водил за нос Империю еще долго. Он даже сумел заставить ее помочь в неслыханном деле – династическом браке. Кетры Хабрии не считались завидными женихами: какой смысл от зятя, которого могут отравить прямо на свадебном пиру или прирезать в первую брачную ночь? Соседи прекрасно знали, что кетры своей смертью не умирают, да и сомнительное происхождение большинства формальных владык Хабрии, в сочетании с их мизерной властью, отбивало напрочь всякую мысль с ними родниться. У Хабрии больше нет династии – двести лет уже нет.

Но если в роли свахи выступает Империя, все меняется как по волшебству. Фока получил жену. Не высший сорт, но из настоящего королевского рода, и даже не особо страшную. Глупа, правда, как наследник Империи, но кетр не считал, что это для женщины недостаток.

Главный подвох он обнаружил позже – скорее Олдозиз родит, чем эта тупая корова. Причем, судя по ее огромной развращенности, про этот недостаток на родине прекрасно знали, вот и отдали никчемный товар Хабрии, не особо кочевряжась.

Фоке бесплодная жена не нужна – и высокородная шлюха скоропостижно скончалась от скоротечной горячки. Он начал было подкатывать к имперцам с просьбой посодействовать в организации нового брака, но, увы, к этому моменту заматеревший Монк набрался сил, Олдозиз спятил окончательно, а престарелый император вообще перестал появляться на людях, и вместо него теперь подписывался младший сын. Империя, уже падавшая в пропасть полной анархии, внезапно ухватилась за край обрыва и весьма резво принялась выкарабкиваться.

К этому моменту Фока просидел на костяном троне уже десять лет. Монк счел этот срок достаточным для исполнения всех обещаний кетра и справедливо заинтересовался причинами задержки. Принц уважал имперские законы и люто преследовал их нарушителей, вот только себя он этими законами не связывал. В пыточный подвал попали два пажа Олдозиза, посол Империи в Хабрии, секретарь того же посольства и даже барон Рокеноль – правая рука Тори Экского, первого председателя Императорского Совета. С помощью незамысловатых средств получения правдивых показаний Монк узнал много интересного. Десять лет Империю водят за нос за ее же денежки. Десять лет

Хабрия набирается сил под руководством весьма незаурядного кетра. А учитывая размеры Хабрии, ее население и расположение...

Фоку надо было срочно убирать.

Наивный Монк – обо всех его действиях Фока узнавал почти в тот же миг. Все его разговоры кетр раскрывал с театральным размахом, укрепляя у хабрийцев врожденную неприязнь к имперцам.

Странное дело – к этому моменту ненависть подданных к своему кетру как-то незаметно сошла на нет. Его по-прежнему не очень-то любили, скорее боялись, но примешивалось и кое-что другое – позитивное. Он навел порядок в законах и судебной системе, а тотальное взяточничество искоренил весьма просто – уличенных в этом преступлении сажали на кол, причем не в одиночку. Если попадался, допустим, начальник таможни, колья в зад забивали каждому пятому служащему этой таможни. Служивый люд быстро просек это дело, и так как никто не желал страдать за чужие грехи, установилась милая атмосфера всеобщей слежки друг за другом – чиновный люд контролировал себя сам.

Фока практически искоренил преступность – в столице можно было ночью выходить на улицу безбоязненно. Заодно он очистил тюрьмы – теперь бандитов не сажали, а всех поголовно гнали в Либскую пустыню, на рудники. Сбежать оттуда невозможно, прожить больше пары лет – тоже проблематично. Учитывая, что меньше трех лет сроков старались не давать, бандитский мир Хабрии перестал существовать физически. Причем Фока и здесь использовал чужие руки: если купец ограблен и убит, городская или сельская община или аристократ, в чьих владениях произошло преступление, обязаны возместить семье ущерб и выплатить в казну крупный штраф. Но если они самостоятельно найдут виновных, штраф будет возвращен. А если поймают преступников еще до совершения преступления, могут рассчитывать на премию. Стоит ли говорить, что любой подозрительный незнакомец вызывал пристальное внимание у населения, а «знакомых бандитов» сдали эшам в первую очередь.

Такие методы Фока применял во всем. Поначалу, конечно, недовольных хватало. Но те, кто не попал в рудники Либы, понемногу начали признавать, что в действиях кетра нет бессмысленной жестокости. Его методы начали давать результат. Нищие, но не опустившиеся люди получали от казны земли, отобранные у высших аристократов. Городская голытьба, отвыкшая от работы, но привыкшая к зрелищам и татиям, быстро сгинула на каторге – даже в столице

теперь нелегко было встретить попрошайку. Купцов избавили от разбойников и поборов чиновников, а кое с кем из соседей Фока заключил выгодные торговые договоры, снизив пошлины для своих подданных. Ремесленники, избавленные от тех же поборов и бандитов-вымогателей, получали крупные заказы от казны – Хабрия усиленно вооружалась. Обедневшие дворяне, зарекомендовав себя на государственной службе, получали земли и замки, отобранные у неудачливых аристократов.

Народ, с одной стороны, возмущался экстремальными реформами нового кетра, но с другой – благосклонно принимал их плоды. Слишком многие стали обязаны Фоке за улучшение их жизни, и все они понимали – без него все может измениться в худшую сторону. Вернутся изгнанные аристократы и заберут твою землю, воспрянет преступный мир, охватив своей липкой паутиной всю страну, продажные судьи отберут то, что оставят бандиты.

Эти люди вслух не стеснялись порицать кровавое правление Фоки, но в то же время готовы были за него сражаться. У нового кетра появился преданный ему народ. Теперь можно вздохнуть спокойно – ему есть на кого опереться против внутренних врагов. Пора заняться внешними, раз уж Монк так настаивает.

Монк действовал по-имперски стандартно – не сумев добраться до кетра потихому, решил сделать это громко: начал подготовку к войне. Причем имперскую армию озадачивать этим мероприятием не планировал – интервенцию возложил на западных и восточных соседей Хабрии.

Фока его опередил – одним жестоким ударом смел Шадию, проделав это с такой удивительной скоростью, что король бежал из страны чуть ли не в подштанниках, не успев даже казну вывезти. Естественно, такая наглость требовала немедленного ответа от Империи и ее прислуги Альянса. Но кетр неожиданно для всех придумал столь хитроумный ход избежать этого, что даже сам удивился своей изощренной находчивости.

С севера Хабрия граничила с территорией зайцев. Длинноухие не лезли в дела этой засушливой страны – здесь не было благоприятных условий для произрастания их любимых лесов. Так уж вышло, что в мире, испохабленном Древними, Фоке выпала честь править самым жарким его уголком. Чуть-чуть на север – и начинается экваториальная тень, чуть-чуть на юг – и уткнешься в имперские земли, с дубравами и светлыми сосновыми борами.

В Шадии, между отрогами Приморского хребта, было несколько красивейших долин, будто специально созданных для зайцев. Леса там были великолепные, и лишь человеческая деятельность мешала им заполнить всю эту землю.

Фока подарил долины зайцам. Им они особо и не нужны были – смысла нет лишний раз грызться с людьми за несколько клочков земли. Но раз сами дарят, то это совсем другое дело.

Зайцы подарок приняли.

По словам шпионов, Монк, узнав об этом гнуснейшем деянии Фоки, прогрыз дыру в настенном ковре, а затем запытал до смерти парочку несчастных, попавших под горячую руку. Теперь, чтобы вернуть Шадию законной династии, придется иметь дело не только с хабрийскими варварами, но и с зайцами. А к этому принц готов не был. Кроме того, Фока развил бурную деятельность, дискредитируя короля Шадии и всю династию, доказывая всем, кто имел уши, что легитимным владыкой этих земель может быть лишь кетр.

И слишком многие услышанное одобряли.

Чем хуже Империи – тем искреннее их одобрение...

Возможно, Фока до конца жизни не осмелился бы бросить имперцам прямой вызов. Но после захвата Шадии у него появились новые, неожиданные друзья. И эти друзья горели искренним желанием помочь ему взыскать с Империи старый долг. При этом сами они ничего не просили. Почти не просили. Когда-то они потребуют расплатиться сполна, но эта пора наступит не скоро, и разбираться с ними Фока будет именно тогда, а не сейчас. Сейчас у него задачи поважнее.

На исходе двадцать третьего года своего правления Фока повел армию на север – пора было возвращать Хабрии очередную исконно хабрийскую территорию. Он атаковал Северную Нурию – одну из стран Альянса. Это автоматически привело к войне со всем союзом.

И Империей.

Обнаглевший мышонок набросился на старого кота.

Глава 3

Сняв наконечник трокеля с древка, Тим использовал его вместо ножа, подрезая длинную палку, найденную на берегу моря. Меч бы тоже сгодился для такой работы, но он не хотел осквернять достойное оружие подобной рутинной.

За спиной Тима ветерок трепал парусину, растянутую над нишей, образованной тремя огромными валунами. Там, на лежанке из сухих водорослей, он проведет следующую ночь. Дров на берегах залива можно насобирать много, и, закопав под себя россыпь углей, он проведет ночь в тепле. А чтобы помимо тепла иметь еще и сытый желудок, надо позаботиться о добыче.

Сегодня утром Тим, перетащив сюда все свое небогатое имущество, успел до прилива наловить немного креветок, парочку «устриц» и трех крабов. Для молодого организма, изнуренного лишениями последних дней, этого недостаточно – надо попытаться добыть что-нибудь еще.

Вопрос – что?

Бродить по мелководью, пытаясь наловить креветок, – безумие: в ледяной воде он быстрее околеет, чем добудет себе пропитание. Прилив затопил все богатые лужи – там сейчас делать нечего. В заливе хватало разных птиц – от банальных чаек до здоровенных серых гусей, но без лука не стоит даже мечтать о птичьем мясе. Возможно, есть и другие методы охоты на пернатых, но Тим ими не владел, а на бросок камня они не подпускали. Это его насторожило – очевидно, им приходилось сталкиваться с опасностью, грозящей с суши. Возможно, сюда забредают опасные хищники. Хотя не исключено, что птицы перелетные и сталкивались с охотниками по пути.

Закончив обтесывать палку, Тим к ее основанию крепко привязал рогульку с намотанной волосяной леской. Свободный конец лески закрепил в расщеп у вершинки примитивного удилица. Жаль, что ему не из чего сделать надежные пропускные кольца: если попадется крупная рыба, ему придется туго.

Выбрав самую мелкую креветку, Тим приговорил ее к быстрой смерти – оторвал голову и отщипнул кусочек студенистого мяса из хвоста. Нацепив эту наживку на крючок, он отправился к удобной скале, исследованной еще вчера. Сегодня ветерок, задувая напрямик в пролив, соединяющий круглый залив с морем, разогнал нешуточные волны, и разглядеть дно было затруднительно. Но Тим не сомневался – рыба, замеченная вчера, должна и сейчас крутиться возле берега. Вот ее-то он и намеревался употребить на ужин (он же обед).

Разложив леску кольцами на плоской скале, Тим, раскрутив медную монету, используемую вместо грузила, зашвырнул снасть подальше. Присев на бочонок, положил на колени удилище, зажал леску между пальцами, потянул, выбрал слабинку, замер. Если на дне кто-то схватит наживку, он это почувствует – и примет меры. Сам бы он вряд ли соблазнился на слизистое сырое мясо, но, возможно, у обитателей моря вкусы другие.

Шло время, леска оставалась неподвижной. Ее лишь равномерно натягивали набегающие волны, но спутать эти движения с поклевкой было невозможно. Или залив вымер, или вкусы у его обитателей столь же испорченные, как и у Тима. Не выдержав, достал снасть из воды, с досадой осмотрел пустой крючок. Наживка исчезла бесследно. Раствориться она не могла, следовательно, кто-то ее съел, а Тим этого не заметил.

Повторив заброс, натянул леску посильнее. Вскоре ему показалось, что она подозрительно натягивается. Дернув, почувствовал тяжесть, быстро потащил добычу к берегу. Над водой показался крупный краб и, помахав на прощание клешней, отпустил крючок. Тим мысленно пожелал ему разнообразных жизненных неприятностей и призадумался.

Очевидно, мясо креветок по вкусу крабам. Вот только поймать членистоногого на крючок непросто. Они не тащат добычу напрямик в рот – предпочитают для начала поработать клешнями. За прочный панцирь их подцепить трудно. Если здесь шныряют рыбины, они просто не успеют подобраться к приманке. Значит, надо приманку защитить от обитателей дна. Как? Да очень просто – подвесив ее повыше.

Вырезав из сухой выбеленной палки грубый поплавок, Тим продолжил рыбалку. Теперь крабы не трогали приманку, но добавилась новая неприятность – волны гоняли незаякоренную снасть с дивной скоростью. Различить поклевку было затруднительно. Приходилось часто делать новые забросы, приманка

обтрепывалась, слетала с крючка. Через час от креветки не осталось ничего, а добычи не прибавилось – Тим не поймал ни одной рыбы.

Сломав створку «устрицы», он нацепил на крючок кусочек мяса моллюска. Оно плотное – по идее, должно продержаться долго. Так и оказалось – несмотря на частые забросы, наживка прочно сидела на крючке.

В очередной раз вытащив подбитую к скале снасть, Тим зашвырнул ее подальше и, привстав на цыпочки, попытался разглядеть поплавок среди ряби. Тщетно – его нигде не было. Неужто отвалился?! Потянул удилище на себя, леска резко натянулась, на другом конце яростно забилось что-то живое и явно упитанное. Вытаскивая добычу, едва не сверзился со скалы – рыбина билась неистово, грозя сорваться.

В степях Эгоны дела с рыбой обстояли не очень, и разбираться в ней Тим научился лишь на борту несчастного «Клио». Матросы частенько сидели с удочками на корме, пополняя рацион свежим уловом, но такое создание им не попадалось ни разу. Однако по их рассказам он понял, с чем имеет дело. Камбалу, даже не видев ни разу, опознать весьма просто. Странно – она ведь вроде бы живет на самом дне. Почему тогда попала на висящую высоко наживку? Может, не слишком высоко висела.

Да какая разница – главное, что сегодня Тим уснет сытым. Длинной рыбина не меньше трех ладоней, по ширине немногим меньше. Молодому организму на один зуб, но в сочетании с остальной добычей ужин выйдет отличным.

Оглушив камбалу ударом по голове, Тим потащил улов к своему убежищу.

* * *

Утром он полностью использовал время отлива для пополнения своих припасов. Теперь ему не нужно было тратить время на дорогу к заливу – он ведь устроился на его берегу. Несколько часов Тим обшаривал лужи, набивая бочонок их обитателями. Одиннадцать крабов, множество креветок, два с половиной десятка устриц, пара мелких рыбешек – даже без возни с удочкой этого ему должно хватить на пару дней, если не объедаться. Но он до прилива не прекращал работать – ему нужно было создать хотя бы небольшие запасы,

чтобы продолжить путь. Креветок и крабов надо съесть сразу, как и рыбу, а вот моллюски, завернутые в мокрые водоросли, должны протянуть долго. На вкус они великолепны, пища это сытная – отличный рацион для путешественника. Кто знает, что его ждет дальше по берегу? Может, там вообще нет возможности добыть еду, и Тиму придется брести недели две без крошки во рту.

Прилив вновь затопил уловистые лужи, но «робинзона» не тянуло хвататься за удочку. Камбала, поджаренная над углями, Тиму не слишком понравилась – ей явно не хватало соли. У него достаточно креветок и крабов – можно не озадачивать себя рыбалкой. Но ведь до вечера еще масса времени – чем же заняться?

Тима потянуло на авантюру: захотелось взглянуть на древние руины, что виднелись на другом берегу залива.

Идея глупейшая. Язва Атайского Рога – не лучшее место для приключений. Если тебя угораздило сюда попасть, не стоит удаляться от побережья: можешь не вернуться. Но Тим здесь уже второй день и ничего подозрительного не замечал. Ни малейшего движения или заманивающего огонька в ночи. Крутой берег залива, остатки каменных строений наверху – и все. Мертвое место, и опасным оно не выглядит. Правда, учитывая странность самого залива... Ну и что? Если Древние здесь напакостили в свое время, то без серьезных последствий. На юге Эгоны есть такая же огромная яма, так в ней уже много лет проводятся конные состязания, и ничего плохого с участниками никогда не случилось.

Он просто сходит туда и взглянет одним глазком.

А может, и не одним...

Стыдно было признаться самому себе – Тима одолевала алчность. Рано или поздно он выберется отсюда, и там, в цивилизованном мире, ему потребуются деньги. Одна-единственная безделушка, оставшаяся от Древних, может сделать его богачом. Клингеры – люди, промышляющие раскопками, – бывало, становились аристократами, и как минимум один сумел даже корону заполучить. Если верить легендам.

Тиму не нужно корон и титулов – он согласен был на сущую мелочь: достойную одежду и лошадь. Не хотелось начинать свое знакомство с Империей с разбоя, а

заработать деньги честным путем надо уметь. Он не умел. Он слишком мало знал об этом аспекте жизни имперцев, но и того, что знал, хватало для понимания – бродягу в лохмотьях на пути к достойному заработку могут ждать многочисленные препятствия.

На один рассказ об удачливом клингере насчитывался десяток других – о неудачливых. Самое распространенное несчастье в их среде – пропасть без вести. Ватага искателей приключений отправлялась на выжженные земли – и больше о них никто никогда ничего не слышал. Про таких говорили: «Сожрала Язва».

Другая опасность – собственные «преданные» товарищи. Если при раскопках попадалось что-то действительно стоящее, нередко возникали сложности с дележкой. И решались они на удивление просто – резким сокращением количества пайщиков. В идеале – до одного-единственного. Легенда про Тнуция, купившего себе корону, видимо, корнями росла из истории такого вот «дележа» – он был единственным, кто выжил после того, как шайка клингеро́в обнаружила удивительно богатую башню. С трудом верилось, что все его друзья после этого ухитрились погибнуть, а он мало того что выбрался, так еще и мешок добра вынес.

Клингеры умирали от страшных болезней, которых никто не мог лечить. Клингеры могли превратиться в уродов с исковерканным телом. Они сходили с ума или, впад в буйство, превращались в подобие диких зверей. Клингеро́в убивали жуткие обитатели выжженных земель. Да чего только с ними не происходило – неисчерпаемый материал для страшных сказок.

Рискованное у них занятие – нормальный человек скорее согласится море в стальных доспехах переплыть верхом на наковальне, чем сунуться туда, куда суются клингеры.

Тим все это помнил прекрасно. Но таинственные руины на другом берегу залива выглядели слишком заманчиво. Со стороны моря их рассмотреть трудно – возможно, про них никто не знает и со времен войн Древних здесь не ступала нога человека. Раз в этом месте не было клингеро́в, то не исключено, что бесценные сокровища там валяются под ногами. Ему много не надо – какую-нибудь безделушку, чтобы купить коня и одежду. Хотя желательно, конечно, найти такую же башню, какую нашел Тнуций.

Вот как здесь удержаться?

* * *

Первоначально Тим собирался обойти залив напрямик по берегу, но был вынужден отказаться от этого простого плана из-за многочисленных препятствий. Ужасающее оружие Древних, оставившее эту грандиозную рану, размело рыхлые наносы, взломало податливые скалы, но не сумело справиться с крепкими породами. Время, разумеется, сровняет все, но это произойдет еще не скоро. А до тех пор смельчак, рискнувший обойти залив, должен постоянно перебираться через многочисленные преграды.

Тим забрался наверх, удалился от края ямы, зашагал к цели. Так, разумеется, ему придется идти дальше, но зато без непреодолимых препятствий. Заодно исследует плоскогорье – до этого он сюда ни разу не выбирался.

Исследовать, честно говоря, было нечего. Унылая всхолмленная пустошь – ни деревца, ни кустика. Мох и лишайники на камнях, кое-где пучки чахлой травы и тоненькие веточки растений посерьезней. Далеко на западе, если присмотреться, можно различить угольно-черные проплешины на склонах холмов. Что это такое, Тим не знал, и приближаться к этим местам ему очень не хотелось. Язвы не имели границ – провести четкую линию между нормальным миром и выжженными землями невозможно. По карте опасные территории начинались вдали от побережья, но разве можно безоговорочно в это верить? То, что Тим решил заняться клингерством, вовсе не означает, что он туда потащится. Ему достаточно тех руин, что виднеются на берегу залива. Уж там точно нет этих пугающих смолистых пятен.

Огибая крутой холм, Тим заметил на его склоне россыпь подозрительно ровных камней. Прямоугольные блоки высотой в два человеческих роста и длиной в дюжину шагов были рассыпаны здесь, будто горсть пшена. Скорее всего, остатки древнего сооружения. Наверное, такой камень и тысяча человек с места не сдвинет. Тим невольно поежился, представив, какие могучие создатели строили подобное, а затем разрушали. С таким умением можно легко брать любую крепость – ни одна стена не устоит.

Не исключено, что стоит здесь покопаться, но Тим в клингерстве не разобрался и, уповая на интуицию, счел это место неперспективным. Но под ноги

поглядывать не забывал – вдруг наступит на что-то действительно ценное.

Полдень давно миновал, когда он наконец обошел залив. Увы, то, что издаleка казалось величественными руинами, вблизи оказалось вовсе не этим. Те же самые прямоугольные блоки, рассыпанные кучами и поодиночке. Понять, что здесь раньше было, невозможно – каменный хаос. Видимо, издали можно было различить следы былой планировки, но здесь, на расстоянии вытянутой руки, этого сделать невозможно.

Надо сказать, сокровищ не наблюдалось. Вероятно, Тим стоял в шаге от целого состояния, вот только как его найти – он вообще не представлял. Но не терял надежды – начал целеустремленно исследовать пространство меж камней, постепенно спускаясь к берегу. В одном месте наткнулся на исполинскую гранитную арку, поваленную на землю, в другом обнаружил россыпь огромных блоков с оплавленными гранями. Масcивность архитектуры Древних его не поражала – в голове не укладывалось, что из этих колоссальных камней можно было построить что-то серьезное. Возможно, тысячи лет назад здесь стояли дворцы, шпильями подпирающие небеса, но сейчас это место больше похоже на заброшенное кладбище, мимо которого Тим проезжал неподалеку от Тувиса. Тлен, запустение и полное забвение былого.

Уже добравшись до крутого спуска к берегу, заметил первую яму. Яма как яма – круглая, диаметром в полдесятка шагов и глубиной Тиму по пояс. Очень старая, с осыпавшимися краями и дном, затянутым плотным илом, оставленным дождевыми водами. В другом месте мимо нее можно пройти, не обратив внимания. Но здесь...

Откуда здесь яма?

Ее кто-то вырыл.

Клингеры? Наверняка они – кому еще придет в голову копать в таком месте. Тим почувствовал разочарование наивного первооткрывателя, высадившегося на только что открытый остров и прямо на берегу наткнувшегося на ветхий нужник, оставшийся от настоящих первооткрывателей. Выходит, здесь бывали люди, и не столь давно.

Обидно.

Покрутившись вокруг, он обнаружил еще несколько подобных ям и одну длинную канаву. На вид раскопки проводились хаотично, но Тим не обольщался. Раз уж клингеры сумели сюда добраться, то это не безмозглые бродяги – свое дело эти люди знают. Они высадились на берегу залива или пришли со стороны материка, покопались там, где следует покопаться, забрали все ценное и удалились. Тиму после них ловить здесь нечего.

Интересно, когда? По виду ямы очень старые. Наверное, полвека прошло, а может, и больше. Жаль, что клингеры не повременили с раскопками. Было бы удачно прибиться к их шайке. Хотя, возможно, и не слишком умная мысль: зачем им подозрительный бродяга? Прирезали бы и прикопали в одной из ям, чтобы не пустовала.

Присев перед холмиком вывороченной земли, Тим не увидел ничего интересного – камни, песок, пятна глины. Не видно даже черепков от керамики или каких-нибудь бесполезных стекляшек. Мертвая земля...

Краем глаза заметив подозрительную несообразность, Тим обернулся. Из-под нависшего каменного блока на него мрачновато тарасился треснувший череп. Сомнительно, что этой голове тысячи лет – кость еще достаточно крепкая. Голова клингера? Скорее всего... Сам умер или «верные» товарищи помогли? Об этом череп не расскажет...

Тиму вдруг перехотелось заниматься клингерством. Неприятное место. Даже ветер среди камней задувает как-то зловеще, и свинцовые тучи опустились пониже, будто грозят раздавить. Зря он сюда пришел.

Встав, направился вниз, к берегу. Напоследок хлебнет солоноватой холодной воды – и поспешит назад. До темноты доберется до своего лагеря, разведет костер, сытно поужинает.

Внизу, на каменном пляже, он впервые увидел Апа.

* * *

Первоначально Тим, конечно, не знал, что перед ним Ап. Он вообще не сразу понял, что это такое. Хотя даже издали Ап слишком уж отличался от всех остальных элементов ландшафта и приковывал к себе пристальное внимание. Тима он насторожил – необычного стоит опасаться. Здесь, на земле Атайского Рога, слова «странное» и «опасное» обычно взаимозаменяемы.

Тим потратил немало времени, издали осматривая подозрительный предмет, но так и не понял, что же перед ним такое. Неровный столб с кучей неприглядных отростков – будто дерево корнями вверх воткнули в каменный пляж. Ледяное дерево. Хотя какой тут, к проклятым богам, лед? Здесь, конечно, не знойная Хабрия, но на берегах залива льдин не было. Течение их сюда не заносит, а если и заносит, исчезают они быстро. Нет, не лед это...

А что? Да мало ли что могли оставить после себя Древние. Вон, весь склон над берегом изрыт клингерами. Возможно, выкопали эту штуку и смеха ради оставили у моря, чтобы озадачивать глупых ротозеев вроде Тима. Раз искатели сокровищ работали рядом с нею, очевидно, она неопасна.

Утешая себя такими сомнительными рассуждениями, Тим осторожно приблизился к Апу. Сквозь мутную синеву «льда» разглядел внутри нечто непонятное. Обойдя находку со всех сторон, попытался определить, что же там просвечивает, но понял это, лишь отойдя на пару шагов, сложив при этом из кусочков картины цельное изображение.

Джон Хиггинс, оператор злополучной установки, закинувшей экипаж на земли Эгоны, время от времени скупал у купцов с побережья вино, после чего собственноручно перегонял его и выдерживал в пузатом бочонке. Полученный напиток он охранял от хронических посягательств Егора, но не постоянно – иногда сам устраивал серьезную дегустацию, приглашая всех выживших членов экипажа. Тиму нравилось за ними наблюдать в такие моменты – мужчины с неба превращались в шаловливых детей. Сам Хиггинс, правда, не слишком веселел, а иной раз мрачнел еще больше (хотя куда уж больше-то). Иногда при этом хитрыми маневрами к пьянке присоединялся шаман Тейко. Едкий старикашка не слишком любил пришельцев (мягко говоря), но вот бренди Хиггинса уважал искренне.

Иногда дело заканчивалось тем, что Хиггинс уединялся от товарищей и продолжал пьянствовать на пару с шаманом. Их совместные возлияния проходили по одному и тому же примитивному сценарию. Тейко рано или поздно

заводил разговор о духах, магии, разнообразии божеств и их проявлений – и склонял оператора к совершению первых шагов на пути постижения высшей истины. Хиггинс (к тому моменту уже хорошенький) обычно доставал толстую книжку и, путая языки, начинал приобщать шамана к библейскому учению. Тейко плевался и шипел, но лакать дармовую выпивку не прекращал и открыто спорить с книгой не решался, так как уважал ее древность.

Тим хорошо помнил одну из историй, путано и невнятно поведанную Хиггинсом из Библии. Там шла речь о парочке городов. Тамошнее население обнаглело до последней степени наглости. Они отказались от почитания правильного Бога и вместо этого поклонялись чему-то смешному. Тим уже не помнил, чему именно... Быку вроде бы какому-то металлическому. А чего еще можно ожидать от глупых горожан? Их жизнь – неиссякаемый источник материала для анекдотов степняков.

Помимо неверных религиозных приоритетов они ухитрились погрязнуть и в бытовых несуряницах. Практиковали человеческие жертвоприношения, уважали разнообразные излишества и презирали семейные ценности настолько, что Тим, выслушивая это, краснел как девица, по ошибке попавшая в мужскую купальню.

Завершилось все очень плохо. Бог, решив, что грешные города мирным путем исправить не получится, поступил с ними так, как накхи поступали с городами, не жаждавшими платить им дань (что лишний раз доказывало правильность действий степняков – даже в древней книге их метод был признан единственно верным). Горожане до последнего не подозревали, что праздник заканчивается, и даже пытались использовать посланцев Бога в качестве женщин (ох уж эти городские нравы).

Оба города были уничтожены чем-то вроде оружия Древних. Но одна семья уцелела – Бог заранее предупредил праведника Лота (и среди горожан изредка встречаются нормальные люди), чтобы он уносил оттуда ноги, покуда цел. Лот, таща за собой кучу дочерей и пожитков, предупредил всех, что драпать надо в быстром темпе и не оглядываясь. Но супруга не послушалась (тупая горожанка), обернулась полюбоваться на гибнущий город – и моментально превратилась в соляной столб.

Вот сейчас, разглядев Апа в глубинах ледяной глыбы, Тим мгновенно вспомнил эту древнюю историю.

В толще «льда» стоял человек. Высокий, почти на голову выше небольшого Тима, чудовищно широкоплечий, коротконогий, с квадратной головой, поставленной прямиком на плечи: шеи практически не наблюдалось. Короткая борода спускается на грудь, сильные руки сжимают занесенную двустороннюю секиру на коротком, окованном железом древке. Этот человек размахнулся оружием, собираясь поразить противника, и в этот миг застыл, скованный странным «льдом». Может, у Тима воображение разыгралось, но выглядело все именно так.

Это непохоже на статую – перед ним настоящий человек. Тим не верил, что Древние могли создать такую скульптуру. Древние могли разрушать, но вот созидать... Ни о чем подобном ему слышать не доводилось. Магия это или проявление какого-то странного оружия, но результат был потрясающим.

А еще Тим понял, что человек, заключенный в ледяной плен, был настоящим воином. Кожаная куртка, обшитая железными пластинами, выглядит не слишком новой, но сидит хорошо, будто собственная шкура. Стойка правильная – идеальная для нанесения мощного рубящего удара сверху вниз. Руки сжимают древко тоже правильно – не заставляют секиру идти вниз, а позволяют ей продолжать закручиваться в нужном направлении, лишь чуток подправляя. Тиму не доводилось сталкиваться с топорщиками в бою, но он хорошо знал, что человек с мечом может окружить себя завесой из вращающегося клинка, почти не затрачивая на это сил.

Вот этот воин был из таких – умелый. Жаль, что он вынужден веками стоять на этом мертвом берегу без погребения. На него гадят чайки, льется холодный дождь, высокий прилив подтопляет ноги. Плохая смерть. Некрасивая. Кто бы он ни был, разницы нет – каждый человек достоин погребения.

Будь у Тима парочка помощников, он сумел бы дотащить глыбу до одной из ям, оставленной клингерями, превратив ее в могилу. Но самостоятельно не стоит и думать о таком.

Тим решил разбить «лед», после чего похоронить освобожденное тело.

Первым делом он отошел от столба подальше и начал швырять небольшие камни. Тим опасался негативной реакции на подобные действия, но зря – ничего страшного не произошло. Камни с сухим стуком ударяли в цель и отлетали в

сторону. На поверхности «льда» даже царапин не оставалось. Осмелев, Тимур подобрался поближе, начал использовать тяжелые валуны, но с тем же успехом – будто в сталь бросает. Лезвие трокеля тоже не смогло оставить на поверхности даже мельчайшей царапины.

Исчерпав весь арсенал доступных методов физического воздействия, Тим призадумался. Сдаваться ему не хотелось – война надо освободить и достойно похоронить. В обмен на это он, наверное, не обидится, если Тим позаимствует его секиру.

Кстати о секире – только тут стало ясно, что самый кончик лезвия вроде бы выглядывает из-под «льда». Подпрыгнув, Тим ухватился за корнеобразный отросток, повис на одной руке, убедился в правильности своего предположения.

Сила, заковавшая война в странный лед, скрыла его не полностью – верхний уголок одного из лезвий секиры остался снаружи. Время с помощью дождевой воды и брызг моря поработало неплохо – источило сталь до ржавчины, и теперь коррозия тянулась дальше, уже в глубины глыбы. В том месте, где выглядывало оружие, осталась выбоина, заполненная ржавым мусором.

Тим поковырял ее уголком лезвия трокеля и в какой-то момент почувствовал в руке, на которой висел, странную вибрацию. «Лед» будто откликнулся на его действия. Эта прореха, оставшаяся в сплошном коконе, реагировала на посторонние вмешательства.

Отец как-то рассказывал Тиму о том, как режут стекло. Наносят царапину и ровнехонько по ней ломают. А что, если и здесь такой способ сработает?

Покосившись на запад, Тим нахмурился. Если он здесь задержится, то до темноты никак не успеет вернуться. Надо уходить. Но завтра он вернется и похоронит древнего война. И оставит себе на память его секиру.

Да и куртка у него тоже ничего.

* * *

Ночка выдалась веселой. Тим, в сумерках добираясь до лагеря, попал под дождь. Не ливень, но достаточно неприятный. И холодный. Хорошо, что догадался держать запас дров под валунами, иначе бы с костром намучился.

Пужинав креветками и крабами, уснул, но не тут-то было. Дождь не прекратился, и в придачу налетел сильный ветер, начал заносить брызги под парусиновый навес. Спать стало некомфортно. Пришлось вставать, переносить свою лежанку под боковой валун, пытаться поспать под его защитой. Но помогло слабо – ветер постоянно менял направление, и укрыться от него было невозможно.

Утром Тим встал невыспавшийся и изрядно разбитый. Что хуже всего, нос заложило, а в горле неприятно першило. Простуда? Только этого ему не хватало... Бродить под морозящим дождем по лужам, оставшимся после отлива, – не лучшее занятие в таком положении. Увы, выбора нет, Тиму нужна еда. Кто знает, что будет завтра, – может, вообще он свалится, и придется растягивать скудные запасы, дожидаясь поправки.

Тим верил в свои силы – болезнь его не убьет. Но по прошлому опыту помнил, что болеть он умеет ярко. Жар как у печки бывал, лихорадило, иногда сил едва хватало несколько шагов сделать. Все его детство – это череда болезней, да и подростком с ними не расставался. Давненько его не прихватывало, и надо же, в такой неподобающий момент...

Невзирая на дождь и ветер, до прилива бродил по обнажившемуся дну залива, добывая креветок, крабов и моллюсков. Улов оказался невелик – очевидно, живность, напуганная изменением погоды, предпочитала держаться подальше от берега.

Подступившая вода остановила промысел Тима. Нечего было и думать о походе к древнему воину, но оставшееся до вечера время Тим провел с пользой. Из плоских камней выстроил надежную стену, укрывшую его жилище от ветра, и укрепил на ней край хлопающей парусины. Насобирав огромную кучу дров, развел возле входа большой костер. Под своей лежанкой вырыл большую яму и, используя трокель в качестве лопаты, чуть ли не доверху засыпал ее раскаленными углями вперемешку с нагретыми камнями. Сверху прикопал все песком и глиной, набранной в береговом обрыве.

Спать на этой грелке было не слишком приятно – иногда припекало даже через толстую подстилку из сухих водорослей. Временами становилось страшновато – того и гляди «постель» вспыхнет. Из Тима ведро пота за ночь вышло. Снизу пекло, а с боков задувал пронизывающий ветер, умудрявшийся находить для себя щели со всех сторон. Спасибо, хоть дождь теперь в жилище не попадал.

Как ни странно, наутро он встал бодрым и готовым к великим делам. Насморк, видимо обидевшись за веселую ночь, куда-то ушел, горло тоже чувствовало себя прекрасно. Никакой ломоты в суставах или нездоровой слабости. Тима это не удивляло – он знал, что в экстремальных условиях к людям болезни не пристают. Подростком ему однажды довелось угодить в снежную западню на южном перевале. Целое кочевье, считай, попало в непростую ситуацию. Никто даже не простудился. А вот уже в становище ребята, пережившие настоящий ад без единого чиха, расклеились – парочка очень серьезно заболела.

Резво пробежался по лужам, оставшимся после отлива. Мастерство приходит с опытом – теперь он не обращал внимания на бесперспективные места, а в богатых не тратил много времени на прытких креветок, да и спрятавшихся крабов находил в любой щели.

Молодой организм, справившись с напавшей болячкой, требовал срочно восстановить силы. Добычи у Тима хватало – не жалко. Раздув угли затухшего костра, он по-быстрому испек на плоском камне пару десятков креветок, с аппетитом умял.

Все – теперь можно отправляться к древнему воину.

* * *

Древний воин никуда не делся. А куда он отсюда денется?

Тим без суеты, тщательно стараясь, насыпал возле ледяного столба невысокую пирамидку из валунов. Стоя на ней, он сможет работать с прорехой от уголка секиры без сложностей. Пройдя по берегу, насобирав несколько подходящих для его замысла камней. Один из них, клиновидный кусок плотного кварцита, вставил в расчищенное от ржавчины отверстие и, используя в качестве молотка увесистую палку, попытался забить поглубже. После третьего удара его клин

сломался. Но Тим не огорчился – у него их еще немало.

Перебрав пару десятков других камней, он так и не добился результата: лед не поддавался. Хотя, бывало, после особо удачных ударов его поверхность начинала подозрительно вибрировать, как бы собираясь расколоться.

Тим не сдавался – у него оставался еще один вариант. Из сухой дощечки, когда-то бывшей частью плотика, он вырезал аккуратный клин, с силой забил его в предварительно заполненную водой дырку. Древесина, разбухая, создает нешуточное давление. Возможно, это доконает ледяной кокон.

Ожидать Тим не любил – и принялся убивать время, разгуливая по берегу. При этом не забывал внимательно поглядывать под ноги. Воды залива год за годом подмывали склоны, усыпанные древними камнями, – мало ли что при этом могло вымыть? Хотя Тим и отказался от идеи заняться клингерством, но рецидивы былой кладоискательской лихорадки давали о себе знать. Увы, ему встречались камни, водоросли, останки крабов и рыб, куски древесины. Странные Древние – даже кусочка керамики после себя не оставили. Хотя, может, он это зря думает и разгуливает сейчас по черепкам, не умея их отличать от обычных камней.

Когда глыба треснула, Тим услышал это за сотню шагов. К тому моменту он уже отчаялся ждать и потерял надежду на успех. Резкий, хрустящий звук, напоминавший прощальное пение ломающегося стального клинка, застал его врасплох. Резко обернувшись, Тим успел увидеть, как на камнях рассыпается кусок «льда», разбрасывая в стороны корнеобразные отростки. Поспешив назад, он подоспел к самому концу – ледяной столб перестал существовать. Древний воин лежал на камнях, вокруг него растекались лужи жирной голубоватой слизи, исчезавшие на глазах.

Торопиться Тим не стал. Мало ли – может, эта неизвестная субстанция ядовита и дышать ее испарениями не желательно. Постояв в сторонке, он выждал, когда слизь исчезнет, и лишь тогда приблизился к лежащему великану.

Долгое заточение не повредило телу – воин лежал как живой, лишь кожа подозрительно бледная и местами нездорово морщинистая. Может, зря Тим разрушил его кокон? Может, это древний способ захоронения вроде бальзамирования? Слышать о таком не доводилось, но мало ли...

Куртка слишком велика – в нее целых два Тима влезут. Ничего – что-нибудь придумает. Секира тоже чересчур массивна – воевать такой не получится. Ну да не страшно – на случай драки у Тима есть меч. Секирой он будет рубить дрова для костра и благодарно вспоминать при этом древнего воина. Если у мертвеца найдутся другие ценности, он, наверное, на Тима тоже не обидится – ему они уже ни к чему. А «робинзону» пригодятся, когда к людям выберется.

Присев, он осторожно потянул секиру к себе. Древко уже почти выскользнуло из ладони древнего воина, как вдруг скрюченные пальцы пошевелились, крепко обхватывая рукоять оружия...

Глава 4

Стены этой сторожевой башни были стары, но ее фундамент и вовсе был возведен тысячи лет назад. Возможно, Древние также держали здесь наблюдательный пост – уж больно удобное место. Имперцы залезли на Белую гору еще до Шериханского договора, уже тогда оценив все выгоды этой плоской вершины. Инженеры-фортификаторы, обнаружив здесь остатки древнего сооружения, были приятно удивлены – вышла неплохая экономия на строительстве.

В высокой башне смысла не было – вершина горы и без того господствовала над местностью. Отсюда легко просматривался перевал почти на всем протяжении, отлично можно было разглядеть парочку селений Южной Нурии, имперскую заставу внизу и несколько пастушьих троп, охотно используемых контрабандистами и разбойниками для темных дел. Двухъярусное круглое укрепление из небрежно отесанного камня вышло некрасивым, приземисто-приплюснутым, издалика похожим на старый барабан. Мачта с разноцветными сигнальными флагами смотрелась здесь так же гармонично, как седло на корове.

В обычное время постоянный гарнизон поста насчитывал шесть пограничных стражников, сменяемых каждую неделю. В их обязанности входил надзор за перевалом и тропами, патрулирование склонов горы, наблюдение за прилегающей территорией Северной Нурии. Оттуда частенько появлялись банды, и необходимо было заранее засекаать подозрительную активность.

Этой ночью в башне находилось девять стражей. Все посты были усилены сразу после известия о нападении Хабрии на Северную Нурию. Разумеется, имперским землям это ничем не угрожало, но лишь временно. Даже последний дурак понимал – имперцы глаза на подобное закрывать не станут, и на носу война с обнаглевшим Фокой. Значит, надо заранее позаботиться об укреплении границы. Правда, заставу пришлось совсем уж оголить, но это тоже временно – скоро подойдет подкрепление с юга, и тогда мимо стражи и мышь не проскочит.

Ночка выдалась та еще – ветер задувал чуть ли не со всех сторон одновременно. Часовые, расхаживая по верхней площадке, кутались в овчины, надвигая на лбы косматые шапки. Хорошо, хоть дождя нет. Тьма кромешная – слишком низкая облачность, лунный свет такую не пробивает. Хорошее время для контрабандистов и бандитов – разглядеть их теперь невозможно. Правда, бродить в такую погоду по горам даже разбойному люду непросто: или шею свернешь, или заблудишься.

Откуда-то снизу, издалека, донесся резкий звук – будто ветка сухая переломилась. По горам загуляло эхо, следом послышалась уже целая серия подобных звуков. Часовые молча кинулись к краю площадки, уставились вниз. Зоркие глаза стражников различили, как где-то в районе заставы загораются желтоватые светлячки, чтобы через миг затухнуть. И странные звуки доносились тоже оттуда.

Один из часовых, многое повидавший за время службы, сориентировался быстро:

– Боги! Там, у заставы, стреляют! Из пороховых трубок стреляют! Быстрее зови десятника!

Десятника позвать не успели. Увы, сегодня часовые допустили промашку – не уберегли свой пост от злоумышленников. Парочка темных фигур подкралась к башне незаметно, и кромешная тьма им ничуть не помешала совершить коварное злодеяние. Фонарей и факелов стража не держала, чтобы не слепить своих наблюдателей, и это сегодня сыграло на руку врагу.

Мрачная парочка свое дело знала хорошо. Обойдя башню по периметру, диверсанты заложили удлиненные цилиндрические предметы в широкие щели меж грубо отесанных блоков. Имперские строители сэкономили на растворе, и камни кое-где уже держались на честном слове. Между собой все эти цилиндры

соединили толстым шнуром. Короткий свободный конец этого шнура оставили под стеной. При этом один из злоумышленников сноровисто присоединил к нему короткую трубочку и, убедившись, что она закреплена надежно, проколол ее запаянный конец кончиком ножа. После этого парочка поспешила удалиться от опасного места. Химический взрыватель, используемый воинами Корпуса Тьмы, не отличался пунктуальностью и мог сработать как через полчаса, так и через пару минут.

На этот раз им повезло – кислота проела пластинку предохранителя вовремя, позволив им удалиться на безопасное расстояние. Неистовое пламя, рванув по нити детонирующего шнура, вмиг домчалось до заложенных зарядов, высвободив сконцентрированную в них мощь. Стены не выдержали, башня превратилась в груды мусора, засыпавшего древний фундамент.

Фундамент, кстати, ничуть не пострадал. Будь взрывчатки даже в сто раз больше, ему бы и это не повредило – Древние умели строить получше имперцев.

Стражники, оказавшиеся под обломками, не увидели, как на другой стороне перевала вспыхивает оранжевое пламя нового взрыва – там располагалась вторая башня. Фока приказал уничтожить все пограничные укрепления.

Логичный ход – если уж собрался объединять Нурию под своей властью, нечего оставлять пограничные сооружения посреди своей новой провинции.

* * *

Общинная стража – это не армия и не пограничная стража. Это пародия на войск. Она как бы состоит на государственной службе, вот только кормит их община. Империя дает им немного: скромную пенсию по старости, убогое оружие и полномочия по несению охранной службы на общинной земле. Требуется, правда, тоже не слишком много – элементарных мер по соблюдению порядка на вверенной территории.

Бутчиз был общинным стражником, а Нкор – слугой местного аристократишки. Земли общины протягивались по левому берегу реки, баронские земли – по правому. Вопрос: кому охранять мост? По закону, община или аристократ, на чьих землях имеется мост, пригодный для телег, обязаны день и ночь держать

на нем стражу. Местная община уже не первый год воевала с бароном, пытаюсь доказать, что заниматься этим должен именно он. Барона их доводы не убеждали – он считал, что все должно быть как раз наоборот. В данный момент был установлен некий шаткий паритет – взбешенный префект, до которого докатились слухи об этих глупых дрязгах, приказал выставлять охрану с обеих сторон. Разумеется, долго это не просуществует – обе стороны остались недовольны и просто так ситуацию не оставят. Но пока что приходится держать двух стражей там, где вполне достаточно одного.

Пока не темнело, Нкор исправно торчал на своем правом берегу, делая вид, что на нем здесь все держится. При этом он не уставал бросать завистливые взгляды в сторону левого берега. Там, у Бутчиза, обстановка была несравнимо удобнее: маленькая уютная караулка из тонкомера, крытая тесом, и легкий деревянный шлагбаум, запирающийся на замок, вместо тяжелой рогатки. Ни одна телега без разрешения не проскочит, а чтобы открыть, много силы не понадобится. Община о своем стражнике заботилась гораздо лучше, чем барон. Тот на караулку поспешил, и Нкору приходилось укрываться от дождя под скромным тростниковым навесом. А уж если при этом ветер дул, то вовсе жить не хотелось, глядя, как Бутчиз грызет орешки у окошка своей уютной караулки.

Честные люди по ночам в Империи не шастают, и вечером всякое движение по дороге прекращалось. Барон тоже в поздний час не горел желанием проверить, чем занимается его стражник, и Нкор без опаски переходил на чужой берег – коротать ночь в общинной караулке, проклиная скупость аристократов. Бутчиз, в свою очередь, тоже завидовал коллеге, но уже по другому поводу – из-за имущественного положения. Бутчиз ведь общинник, денег почти не получает, живет, как и все, со своего надела, с той лишь разницей, что надел его обрабатывают общинники. Человек – такое подлое создание, что на совесть работает редко и только лично для себя. Для Бутчиза на совесть никто работать не желал, и урожаем он был хронически недоволен. Доля от мясозаготовки его тоже не радовала – вечно кости и жилы норовили подсунуть, да и в семенном зерне больше сорняков, чем ржи. А если вспомнить о размере пенсии, которую ему по старости скоро назначит префектура, то и вовсе обидно – не хватит пару раз в кабаке заглянуть.

У Нкора все не так (если смотреть со стороны завистливыми глазами). Земли у него нет вообще – продуктами его снабжает управляющий барона, и кормят его на совесть. Вчера вот приносил голубей, фаршированных гусиной печенкой с овощами. Бутчиз жизнь прожил – и подобного деликатеса не пробовал. И пусть

это всего лишь объедки с барского стола, но питаться подобными блюдами несравнимо приятнее, чем опротивевшей гречкой и мучной похлебкой. Пенсия Нкору не положена, но никого из слуг барона по старости на улицу не выгоняют – все доживают свой век при замке, в тепле и сытости. А еще Нкор может зашибить пару монет, просто не открывая свой шлагбаум и делая вид, что дремлет, не обращая внимания на шум возничих. Зачастую это заканчивается тем, что ему кидают пару медяков, и он, как по волшебству, мгновенно просыпается от этого звона. Жаловаться на него бесполезно – барону нет никакого дела до мелких приработков его слуг. А попробуй такое устроить Бутчиз – под общинный суд может попасть. Позору потом не оберешься.

Нкор, заявившись в караулку, первым делом достал из сумки пару кусков мясного пирога – в один впился сам, другой протянул Бутчизу:

– На-ка отведай. С тертым чесноком и виноградным соусом. Ты небось и не пробовал такого ни разу.

Бутчиз, осмотрев свой кусок со всех сторон, суетливо стряхнул приставший мусор, осторожно задвигал гнилыми зубами, не обращая внимания на то, что над этим куском уже успели с краю поработать чьи-то челюсти.

– Хорошая у тебя жизнь, Нкор. Жрешь как барон, и не надо над этой проклятой землей трястись.

– Барон своих слуг не забывает, – важно заметил стражник.

– А чего же он тебе караулку до сих пор тогда не поставил? – с насмешкой уточнил Бутчиз.

– А зачем? Он через неделю на балу будет, у наместника. Они друзья старые. Тот префекта поставит на место, и потом ты один тут будешь ночами зад морозить. Мост общинный – вот сами за ним и следите, у нас и без него дел невпроворот.

– Это какие такие у вас важные дела?! – вскипел Бутчиз. – Лягушек в пруду гонять?! Да мы до Столицы дойдем, до Совета! Виданое ли дело, чтобы разные баронишки так нагло общину ущемляли! Не по закону это!

– Вы еще императору пожалуйте, – хмыкнул Нкор. – Да кому вы нужны в Столице, с этим старым деревянным мостом?

Бутчиз не успел ответить коллеге – с улицы донесся знакомый шум.

– Никак телега подъезжает? – удивился Нкор. – И кого это в такую темень понесло в дорогу?

– Может, опять солдаты? – предположил Бутчиз. – Пару дней назад тоже в потемках отряд прошел.

– Непохоже – с общинного берега идут, северного, а солдаты все время с нашего приходят, южного. День за днем идут в последнее время, будто их там, на севере, телятиной кормить пообещали. Пойду-ка я выгляну.

Бутчиз решению баронского стражника был только рад – не хотелось подниматься самому. Впрочем, Нкор выйти из караулки не успел – открыв скрипучую дверь, он резко запнулся на пороге, попятился назад, уперся спиной в стену, неловко присел, захрипел, завалился набок. Разглядев в груди Нкора короткую арбалетную стрелу, Бутчиз понял – дело плохо. Это не бродяги и не подвыпившие крестьяне – этих ребят не разогнать с помощью ругательств и размахивания тупой алебардой.

И на кой он вообще пошел служить в стражу?!

Бутчиз не стал хвататься за алебарду. Плюхнувшись на пол, он забился под лавку, надеясь, что здесь его не заметят. Если убийца (убийцы) не знает, что стражников сейчас двое, то все может обойтись.

Тройка мрачных мужчин четко выполнила свою работу. Один, заглянув в караулку, подсветил фонарем на тело Нкора и, убедившись, что тот мертв, вышел, хлопнув дверь ударом ноги. Арбалетчик его страховал, стоя у телеги, а третий злодей, не теряя времени, уже полез под мост минировать опоры.

С телеги выкатили бочку, затащив ее на середину моста, выбили крышку. Вонючая густая жидкость растеклась по настилу, пропитывая сухие плахи и бревна. Сапер, работавший внизу, тихо выругался, когда просочившиеся капли

начали барабанить по голове. Выбравшись, он кивнул товарищам – все, можно ехать дальше, сегодня надо успеть уничтожить еще два моста.

Убийца Нкора на ходу открыл фонарь, поднес к огню кусок пенькового фитиля, дождался, когда волокна, пропитанные селитрой, жадно затлеют, бросил за спину, в лужу зловонной жидкости.

Бутчиз рискнул покинуть свое убежище, когда шум удаляющейся телеги затих. К тому времени настил моста полыхал вовсю, а от деревни к реке двигалась вереница огней – народ, прихватив факелы и фонари, спешил к пожару. Стражник, не мешкая, схватил деревянное ведро, кинулся к реке. Сомнительно, что даже тысяча таких ведер поможет справиться с пожаром, но не сидеть же сложа руки? На бегу он утешал себя тем, что настил скоро прогорит, рухнет в реку, а массивные опоры из мореного дуба огонь повредить не сможет. На них быстро уложат новый мост – работы на несколько дней. И Бутчиза вряд ли будут сильно ругать – что он мог поделать против банды таких головорезов со своей жалкой алебардой?

Приступить к тушению Бутчиз не успел. Фитиль, вспыхнув от пламени пожара, донес огонек до медной трубочки, закрепленной на детонирующем шнуре, и через миг сработали все заряды. Опоры, простоявшие около века, переломились, будто сухие лучинки, – бойцы Корпуса Тьмы разрушать умели. А как иначе, если их этому учили годами?

Подбежавшие крестьяне увидели жалкие огрызки сокрушенных опор, разбросанные по округе горящие клочья настила, непригодные теперь к использованию, и обезображенный труп Бутчиза. Стражу разmozжило голову бревном.

Двадцать шесть телег сейчас колесило по имперским землям, примыкавшим к Тарибели, или, как называли эту провинцию хабрийцы, Южной Нурии. Все они занимались одним и тем же – уничтожением мостов. Смехотворная стража помешать им не могла. Маршруты были продуманы заранее – ни одна из групп не пересекалась с другой, у каждой были свои цели. Если ничто не помешает, к утру они уничтожат более полусотни мостов. А если имперцы не хватятся, то и на следующую ночь продолжат заниматься тем же.

* * *

Группа подгулявших в придорожном трактире офицеров, догоняя свой полк, попала в засаду – нетрезвых вояк перестреляли из кустов, положив в один арбалетный залп. Немыслимая сноровка нападавших не оставила воякам ни единого шанса.

Полк, спешно перекидываемый в Тарибель, остановился на ночевку в чистом поле. Стреноженных коней оставили под присмотром часовых, утром они их погонят к пруду, на водопой. И конечно, никто не догадается, что в темноте к берегу пруда подкралась некая темная личность и что-то туда вылила из пузатой бутылки.

Гонец не щадил лошадей, меняя их на каждой станции. Приказ, который он вез, не терпел задержки. Спешка его и подвела – на полном скаку бедняга налетел шеей на тонкую веревку, растянутую над дорогой. Запечатанный конверт попал в руки тех, к кому попасть был не должен.

Другой гонец привез в лагерь саперов странный приказ. Им предписывалось немедленно двигаться на восток, прямо в горы, по единственной узенькой дороге – и где-то там, на другой стороне пологого хребта, заняться ремонтом моста. Гонец выглядел как настоящий, печати на конверте и подписи тоже были не хуже настоящих. Ворчащие саперы вынуждены были прервать ночевку и начать движение к проклятому мосту. Добраться до него они не успели – в одном узеньком месте их накрыло камнепадом, вызванным серией взрывов. Немногих выживших добили из арбалетов или просто перекололи. Вояки, не ожидавшие такого приключения на собственной территории, были полностью деморализованы и серьезного сопротивления не оказали.

Боевые маги – замкнутая каста, даже в суеде военных сборов ухитряются оставаться в сторонке. Вот и сейчас они не соблазнились городскими квартирами и остановились в загородном особняке, выделенном наместником. Их уединению не мешали грязная солдатня и вечно нетрезвые офицеры-аристократы.

Увы, недолго они наслаждались отдыхом после долгой дороги. Заряды, заложенные в дымоходах, превратили дом в груды мусора, а бочки с зажигательной смесью, установленные в подвале, сделали из этой груды огромный костер.

Трактир был не из дешевых. Прежний хозяин вел дела очень плохо, да и с виноградной водкой крепко дружил, что не способствовало процветанию заведения. В прошлом году, напившись вдрызг, ухитрился разбить себе череп о край крыльца. Вдова с радостью продала малоценную недвижимость заезжему молодцу с юга, решившему открыть свое дело в Тарибели.

Новый владелец за полгода превратил трактир в бриллиант столицы провинции. Чисто, уютно, клопов нет, стряпня выше всяких похвал, прислуга вышколена и сплошь состоит из милых девушек и молодых красивых парней. Высшие офицеры прибывающих армий быстро оценили плюсы этого заведения и расхватали все комнаты на втором этаже. Они прямо там повадились устраивать военные советы, не подозревая о хитроумной системе прослушивания, устроенной хозяином. Внизу, в общем зале, они нередко позволяли обсуждать дела, не предназначенные для посторонних ушей. При этом они не обращали внимания на слуг, а зря – память у этих девочек и парней была отменная, а уши торчали тоже не для красоты.

А еще из подвала трактира под городскую стену был прорыт подземный ход, выводящий на обрыв рва. При желании через него можно было незаметно покинуть город, минуя заставы, или, наоборот, пробраться внутрь. И труп при необходимости можно вынести без лишних свидетелей – сегодня это было полезно.

На балкон борделя вышел бригадный генерал. Первоначально он хотел просто наполнить легкие настоящим воздухом, а не той смесью винных паров, испаряющегося пота, наркотического дыма и коктейля из ароматов духов, что клубилась внутри. Однако, оценив красоту звездного неба и пение сверчков, решил, что будет просто замечательно, если он справит малую нужду посреди всего этого великолепия. В тот момент, когда военачальник возился с завязками, за спиной его показалась мрачная фигура с удавкой в руках. Удавка уже не нуждалась в намыливании – ее владелец сегодня щедро натер оружие о жирные шеи трех офицеров. Генерал стал четвертым.

Город наводнили войска – не протолкнуться от солдат. Подвыпившего офицера оставили товарищи, но мир не без добрых людей – парочка проезжих купцов любезно помогла ему добраться до постоялого двора. Вот только немного не довели – утопили в уборной, встреченной по дороге. После чего в темном переулке прирезали двоих солдат, оставив в теле одного нурийский нож, чтобы стражникам было о чем подумать.

Хабрия уже воевала с Империей, но Империя об этом еще не догадывалась. В этом мире к такой войне не привыкли. Война – это бой барабанов и полки, марширующие под развевающимися знаменами. В этом мире никто не знал, что противнику еще до битвы можно нанести колоссальный урон, попросту мешая в эту битву вступать. Разрушенные мосты не позволят снабжать армию, а потери среди саперов замедлят ремонт. Перехватываемые гонцы затруднят передачу приказов, убивая офицеров, разрушаешь систему командования. Лошади, уничтожаемые самыми изощренными способами, обездвиживают войска. Диверсии порождают панику и атмосферу всеобщего недоверия.

Несколько сотен воинов Корпуса Тьмы за одну ночь нанесли армии Империи колоссальный ущерб. Как будто грандиозная битва произошла. Вот только в нормальной битве потери более-менее сопоставимы, а сейчас этого и близко не было – хабрийцы и десятка своих диверсантов не потеряли, а имперцев полегло более тысячи. В придачу – разрушенные мосты, отравленные колодцы и водопой, перехваченные донесения и приказы, умершие лошади, сгоревшие склады и взорванные укрепления.

Имперцы не ожидали, что в мирное время у них может загореться под ногами своя же земля, и вели себя на диво беспечно. За что платили кровью.

Приказ наместника об усилении мер по охране границы ничем не помог – темные воины занимались своими делами даже в таких тыловых местах, где не все знали, с какой стороны находится ближайшая граница.

А еще воины Корпуса Тьмы искусно распространяли панические слухи или откровенно провокационные рассказы. Они били по самому уязвимому – информационному полю будущей битвы. Армия сражается не в вакууме, а среди населения. Если крестьяне будут хотя бы частично уверены, что вояки заявили сюда воровать общинное добро и насиловать их женщин, то могут возникнуть проблемы. До такой тактики в этом мире тоже никто не додумался.

Новые друзья Фоки оказались весьма полезны – подсказали немало интересного.

Ничего этого в Империи не знали – столь подлая тактика оказалась полным сюрпризом. Первая ночь выдалась для Корпуса Тьмы воистину благодатной – они успели очень многое. И самое смешное – никто сперва даже ничего не заподозрил. Жирные, обленившиеся, тупые имперцы... Давненько им не

приходилось сталкиваться с НАСТОЯЩИМ врагом.

* * *

Отряд егерей пограничной стражи, перед рассветом выехавший из ворот Тиона, возглавлял Сеул. Хотя, если откровенно, он не собирался злоупотреблять своими полномочиями – командовать должен полусотник Тиамат. А Сеул – так... просто будет его направлять... иногда. Сведения, полученные от захваченных бандитов, требовали немедленных действий. Даже наместник, оценив информацию, не стал возражать против этой операции. Если логово похитителей удастся накрыть и захватить хотя бы мелких главарей...

Это будет половина победы над их организацией.

Ни столичные гости, ни местные стражи, ни даже люди семьи Ртчи, выступившие на тропу мести совместно с людьми префекта, не подозревали, что война уже началась и они теперь находятся в зоне военных действий. И разумеется, не догадывались о том, что Тарибель стараниями многочисленных сторон готовится превратиться в филиал ада.

Сорок четыре егеря с Тиаматом, два столичных стражника, Сеул, Дербитто и Пулио, Одон с тройкой мрачных мужчин, которых он представил как своих дальних родственников, знакомых с горцами. В отряде всего набралось пятьдесят четыре человека, и двигался он в те края, где вскоре гибель тысяч солдат и мирных жителей станет не более чем мелким эпизодом в мясорубке начавшейся войны.

Глава 5

Новый знакомый Тима оказался тяжел. Очень тяжел. Нечего было даже думать о том, чтобы дотащить его до лагеря. Тим – не слабак, но у него уйдет на это очень много времени, и неизвестно, как бедолага перенесет это путешествие. На голом берегу даже приличную волокушу не из чего сделать. Пришлось наскоро соорудить гнездо из сухих водорослей, закопав в них гиганта с головой, после чего быстро сбегать на другой берег залива, за вещами. Тим перетащил все – от

бочонка до парусины. Ему пришлось построить новое жилище. К счастью, здесь, под склоном, нашлось удобное местечко, прикрытое скальным козырьком. Осталось только отгородиться от ветра стенами из камней и парусиной.

Кроме большого веса у древнего человека были и другие недостатки. В частности, от него дико воняло. Тим не был неженкой – среди навоза вырос, но с этим смрадом смириться не мог. Воина время от времени рвало какой-то желтой слизью, а еще он регулярно ходил под себя, что также не улучшало атмосферы жилища. Будь Тим менее терпелив, бросил бы этого благоухающего великана на произвол судьбы.

Не бросил. Не мог бросить. Да и любопытство разбирало – ведь если этот странный человек выздоровеет, наверняка расскажет массу интересного. Если он, разумеется, действительно современник Древних.

А в этом Тим сильно сомневался. Ревизия имущества воина добавила пищу сомнениям. В кошельке нашлось несколько хорошо знакомых Тиму медных монет, вполне современных на вид. Шлем при ближайшем рассмотрении оказался весьма примитивным – кузнецы кочевников изготавливали несравнимо более качественные изделия. Пластины, обшивавшие куртку, были из мягкого железа, секира тоже и близко не лежала возле хорошей стали.

В общем, создавалось нехорошее впечатление, что древний воин украл это оружие и амуницию у какого-то бродяги с побережья Эгоны. Те примерно такую же рухлядь таскали. А еще он оказался нищим – в кошельке ни одной серебряной монеты не нашлось, а в вещах не было ни украшений, ни амулетов.

Ну точно бродяга. Древний бродяга? Сомнительно – откуда у древних бродяг имперские монеты?

Кем бы ни был освобожденный из странного заточения воин – без Тима ему не выжить. Он мог лежать неподвижно часами, а потом забиться в судорогах. Мог открыть глаза, но в них при этом не было ни капли разума. Накормить его не получалось – даже воду Тим заливал ему в горло с великим трудом.

Лекарств не было, да и чем такое лечить, неизвестно. Единственное, что Тим сумел придумать, – сварил для воина бульон. Это было непросто – мало того что нет мяса, так еще и кастрюли нет, чтобы его приготовить. Шлем не подходил –

его конструкция была далеко не герметичной. В итоге пришлось использовать бочонок. Воду Тим нагрел раскаленными в костре камнями, кидая их до тех пор, пока она не закипела. В кипяток высыпал крабов, креветок и мясо моллюсков. Камбалы, к сожалению, не было – с рыбалкой Тиму на новом месте не везло.

Полученный после долгих мытарств бульончик воину впрок не пошел. Тим заливал его в рот грубой ложкой, вырезанной из куска древесины, но из гиганта все выливалось наружу – рвотные спазмы накатывались мгновенно. Пришлось отказаться от идеи его покормить. Хорошо, хоть воду его организм принимал, если поить по чуть-чуть.

* * *

Два дня Тим ухаживал за гигантом, а наутро третьего проснулся от холодящего прикосновения металла к шее. Осторожно открыв глаза, увидел над собой уже поднадоевшую бородатую рожу, из-под низко нависших кучерявых волос нехорошо сверкала пара глаз. Причем глаза вполне разумные – воин явно очнулся и действовал сознательно. Обидно, что первым делом ему пришло в голову прижать лезвие секиры к горлу своего спасителя.

– Доброе утро, – с максимальной вежливостью тихо произнес Тим.

– Ты уверен, что оно доброе? – хрипло уточнил воин. – Я вот, к примеру, не уверен, что для тебя оно такое уж доброе.

– Убери секиру, я не причиню тебе вреда.

– Последний раз, когда я на такие слова повелся, остался без куска уха. Ты кто такой и откуда здесь взялся?

– Я Тимур из рода Ликадов, сын Сергея, что безродный, мать моя Энеяна из рода Ликадов, выносила шестерых детей, вырастила одного. Родители мои покинули этот мир. Здесь я не по своей воле – мой корабль погиб среди льдов, и теперь я пробираюсь на север, к людям.

– Ох ты и отвечаешь! Ты что, степняк? Из Эгоны, что ли?

– Да, я оттуда. Накх.

– Тухлые боги, и какая же лошадь тебя занесла в это вонючее место?! Вот уж не думал здесь накха встретить. Меня, кстати, зовут просто – Ап. От мамы я сбежал, когда она хотела продать меня какому-то вонючему любителю детских попок, а отец мой и вовсе неизвестно кто – при мамочке-шлюхе им мог быть кто угодно. И я что-то ничего не пойму – откуда ты здесь взялся и где все остальные?

Тим, теряя терпение, повысил голос:

– Я приплыл на этот берег на плоту. Здесь, среди руин, нашел тебя. Ты стоял как статуя, весь в глыбу льда закован с головой. Но это был не лед – что-то вроде волшебного стекла. Когда я сумел его разбить, оно растаяло бесследно. А ты очнулся, и я тебя два дня пытался вылечить – кормил, поил и убирал за тобой. Я не жду благодарности, но, может быть, уберешь наконец свою секиру? Она мне шею почти заморозила.

Ап, почесав затылок, настороженно уточнил:

– А не врешь?

– Взгляни на уголок лезвия – его съела ржавчина. Это случилось потому, что твое оружие выглядывало из льда. А все остальное как новенькое, да и ты не умер, хотя прошло много лет.

Осмотрев секиру, Ап наконец убрал ее от горла Тима и вздохнул:

– Жив-то я остался, но вот не помню всего этого, хоть убей. И чувствую себя совсем поганом.

– Ты разве не помнишь, как попал в этот лед?

– Я? Ничего я не помню. Помню только этот проклятый туман, что повалил из гробницы. Мне стало разъедать глаза, и я их прикрыл. А как открыл, оказался тут. Вот как за секиру не ухватиться при таких делах?

– Туман? Какой туман? Ты стоял с секирой над головой, будто собирался кого-то ударить.

– Ну да. В этом тумане кто-то бегал. И мне показалось, что бегают он за мной. Вот я и изготавился – ничего хорошего в таком тумане бегать не будет. А туман этот еще... Слушай, Тимур, а не выйти ли нам на улицу для разговора? Ты уж меня извини, но в твоей пещере воняет, будто в забродившей выгребной яме.

– Вообще-то это воняет от тебя – с пещерой все в порядке.

* * *

Как Тим и подозревал, Ап не имел ни малейшего отношения к Древним. Он говорил на южноимперском диалекте, перемежая его с эллянскими словечками, и о Древних знал лишь то, что они испохабили мир несколько тысяч лет назад, а потом исчезли, оставив после себя развалины, Небесный шрам и язвы. На берег Атайского Рога Ап попал вместе с шайкой клингеров. Их предводитель был непрост и имел кое-какую информацию об этом месте. Он уверенно заложил несколько траншей и шурфов. Через неделю работы под одним из камней нашли засыпанную галерею, облицованную гранитными плитами. Расчищая ее, клингеры наткнулись на бронзовую дверь, за которой обнаружилось подземелье.

После этого момента Ап уже помнил не все. Пока клингеры обсуждали находку и готовили фонари, из подземелья начал выползать туман. Он стремительно расползлся по округе, и вскоре из-за него уже трудно было свои ноги рассмотреть. Потом Ап смутно помнил, что бежал к берегу со скоростью перепуганного зайца. Но его что-то неумолимо догоняло, и, осознав, что уйти не получится, он развернулся, намереваясь дать бой. И все: следующее, что он увидел, был потолок жилища Тима.

И самое главное – Ап упорно не мог поверить, что провел в ледяном заточении много лет. Он уверял, что берег за это время ничуть не изменился, и доказывал Тиму, что клингеры, возможно, так и продолжают свои поиски здесь, а их корабль стоит чуть дальше, скрытый скалами. Спорить с ним не хотелось, и Тим предложил прямо:

– Ты сможешь дойти до стоянки корабля? Извини, но донести тебя мне не под силу.

– Тимур, да Ап на своих ногах не сможет идти лишь в одном случае – если их отрежут. Двигай за мной, наше корыто укрыто неподалеку, ты и запыхаться не успеешь.

Вопреки своим бодрым заверениям идти Апу было нелегко – приходилось опираться на секиру и огибать многочисленные неровности рельефа. Тим, разумеется, не запыхался – он при желании ползти смог бы с большей скоростью. Новый знакомый, пройдя сотни три шагов, замер на берегу крошечной бухточки.

Корабль в бухточке был. Деревянная посуда простояла здесь не один десяток лет. Ее заливали дожди и засыпал снег, древесину точили обитатели залива, а на палубе чайки строили свои гнезда. Днище прогнило, остов давно уже лег на дно, из воды, будто ребра огромного кита, торчали выбеленные шпангоуты с кусками трухлявой обшивки.

Тим, оценив унылую картину, тактично поинтересовался:

– Ты до сих пор уверен, что провел в ледяной глыбе не слишком много времени?

Ап выразил свои эмоции парочкой столь колоритных фраз, что, будь жив боцман «Клио», затрясся бы от зависти. Затем начал высказываться уже более содержательно:

– Этот корабль стоит здесь со времен сотворения мира – не иначе. Так сколько же времени я просидел в этом твоём волшебном льду?

– Не знаю. Ты помнишь, какой тогда год был по имперскому исчислению?

– Откуда мне знать – я хорошо считать умею только до двенадцати, дальше мне уже нелегко запоминать.

– А кто был Императором, когда ты сюда попал?

- Тот же, кто и всегда, - Император.

- А как его звали до короны? Когда он был еще простым принцем?

- Да что ты такой любопытный! Ты еще спроси, как звали моего папашу!

- Ап, не горячись - просто хочу узнать, сколько времени ты здесь простоял.

- Да я тебе и так скажу - очень много времени. Очень! Смотри сам - наш корабль успел сгнить. Он, конечно, был и тогда не особо новеньким, но достаточно крепким. А сейчас? Труха одна осталась. Пойдем со мной. За той скалой у нас лагерь был.

- Ты думаешь, там что-то могло уцелеть?

- Раз судно здесь, значит, никто отсюда ног не унес. Раз все погибли, могло добро остаться какое-нибудь. Нам не помешает пошарить там.

Доводы Апа были разумны, и Тим поплелся за ним. От лагеря, разумеется, ничего не осталось. Но под скалой клингер с триумфом указал на кучу хлама:

- Вот! Сюда мы скидывали все, что находили. У нас был паренек с задатками мага, он эту рухлядь изучал. Иногда бесполезный на вид черепок может оказаться до жути дорогим амулетом. Вот он это и должен был определять.

Тим, присев, бегло осмотрел содержимое кучи. В основном здесь были куски керамики и стекла, выделялся размерами отшлифованный каменный шар размером с детскую голову, под ним зеленела пятнами коррозии бронзовая пластина. Мелкие, почти насквозь прогнившие изделия из металла идентифицировать было невозможно. Понять, для чего служила фарфоровая вещь, похожая на плавущую утку с оторванной головой, тоже не получалось.

- Это мусор, - констатировал Тим. - Теперь я понимаю, почему ничего не нашел на месте ваших раскопок, - вы все сносили сюда. Мне даже осколка кувшина не попало.

– Плохо смотрел. Это старье, валяясь на поверхности, обрастает разной пакостью и просто грязью, отличить от камня не так-то просто. А еще лучше сразу браться за лопаты – самое ценное всегда под землей.

Тим из кучи хлама вытащил низкую стеклянную вазу с выбоиной по краю.

– Вот эта вещь пригодится. Можно использовать как миску. И вон, дно от кувшина тоже уцелело. Если отмыть, тоже миска выйдет. Больше я ничего ценного не вижу. Разве что кусок этой бронзы.

– Металл не тронь! От металла Древних все беды. На вид простая железяка, а кинешь в карман, так она тебе зад до черноты пропечет. Слышал я о таком не один раз. Ведь без мага никак не понять, есть ли какой подвох. Мы, когда металл находим, даже руками его не касаемся – длинными щипцами хватаем, так и тащим. За стекло можно браться и за простую керамику тоже. А вот просвечивающиеся черепки бывают тоже с неприятностями. Пошли-ка, Тим, назад, подальше от этой кучи. И кстати, а что ты тут вообще жрешь? Это я к тому говорю, что не откажусь, если угостишь.

* * *

Аппетит у Апа оказался под стать его телосложению. Даже немощь, вызванная годами странного заточения, на нем не сказалась. Гигант, добравшись до жилища, присел на песок у костра – его явно обессилила эта недолгая прогулка. Тим предложил ему свои запасы моллюсков, достав их из ямки, засыпанной мокрыми водорослями. Ап не стал возиться с огнем – сожрал их сырыми, раскалывая раковины камнями. Уничтожив все съестное, он воспрянул духом и, набравшись сил, начал бродить за Тимом по обнажившемуся берегу. Помогать в ловле креветок и крабов он не лез, но исправно таскал за ним бочонок, складывая в него добычу.

Или моральная поддержка сказалась, или день был удачным, но до прилива Тим успел наловить множество морских обитателей. Креветок десятка четыре, дюжину крабов, полтора десятка устриц и мелкую, в пару ладошек, камбалу, обнаруженную в одной из луж. Кроме того, многоопытный Ап указал Тиму на часто встречающиеся длинные листья какой-то сочной водоросли, заявив, что она съедобна. Тим, распробовав водное растение, признал его правоту. Не сказать чтобы слишком вкусно, но есть можно без отвращения. Хоть какое-то

разнообразие в меню.

Совместный труд сближает, и к костру «робинзоны» вернулись уже практически друзьями. Выслушав жалобы Апа на жуткую вонь, исходившую от одежды и тела, Тим предложил ему устроить баню. Дров хватало, и, накаляя в костре камни, можно прилично нагреть воду в яме, выкопанной в песке. В качестве стенок «ванной» можно использовать кусок парусины. Она, конечно, не герметична, но если не переусердствовать с уровнем воды, то уходить в стенки влага не будет.

Апу идея Тима понравилась, и они тут же принялись ее реализовывать. Гигант долго оттирал свое тело пучками водорослей и песком, затем в той же воде прополоскал одежду, после чего расселся голышом у костра, молча наблюдая за тем, как Тим возится с ужином.

Ужин съели также молча. Причем Тим с сожалением убедился, что аппетит у Апа ничуть не уменьшился. Он не успокоился, покуда не осталось ни крошки съестного. Здоровяк уплетал креветок прямо с панцирями, да и от крабов оставлял немного. Даже безвкусные водоросли не пощадил – умял без остатка. И куда в него столько вмещается? И как при таком прожорливом спутнике надеяться на создание хотя бы минимальных запасов?

Ап, будто прочитав мысли Тима, покопался в объедках, выбрал спинку краба и, тщательно обсасывая ее, поинтересовался:

– И какие у тебя планы? Что ты собирался здесь делать?

– Я хотел несколько дней провести на берегу залива – здесь легко добывать еду. Потом, собрав запас устриц, пошел бы на север, по берегу моря. Время от времени останавливался бы в местах, похожих на это, пополнял бы свои запасы и отъедался. Так бы потихоньку и дошел до обитаемых краев.

– Это ты дельно придумал. Тут и впрямь лишь одна дорога – по берегу. Хотя, если напрямик, через холмы, говорят, короче выходит гораздо. Но как сказать: идти по язве – это тебе не по сосновому бору топтать. По берегу оно, конечно, несравнимо надежнее. Только берег этот ровный почти везде, бухт вроде этой немного. А я так понимаю, что добывать еду на нем потруднее будет.

– Да, трудно. Там в прилив тоже лужи остаются, но добычи в них почти не попадает. Наверное, живности мешают волны на мелководье.

– Так я, выходит, стрескал все твои запасы? – огорченно встрепенулся Ап. – Ну ты извини – я не подумал.

– Да все нормально – тебе надо хорошо питаться, набираться сил.

– Да нет, Тимур, тут не в силах дело. Я такой с детства – готов быка сырым слопать, лишь бы пастух отвернулся. Сколько ни дай, мне все мало. Прямо не брюхо, а бездна. Даже не знаю, что со мной такое. Уж сколько меня маменька за это лупила, а так и не выбила. Сегодня я слабоват, твоя правда, но завтра с тобой вместе по этим лужам попрыгаю. Я холода не боюсь, да и шустрый, хоть с виду про меня такого не подумаешь. Наловим мы с тобой побольше всего и ракушки оставим на будущее. Думаю, пару дней тут можно посидеть, а потом дальше двигать. Нечего нам в этой дыре рассиживаться.

– Ап, если идти по берегу, мы в конце концов доберемся до границы Ании. Ты там бывал?

– Бывал, конечно. Редкостная дыра эта Ания, а почти все, кто там живет, – подлые воры. У меня анийцы увели плащ, причем так ловко, что я ничего и не заметил. После этого даже ходил, под ноги поглядывая, чтобы ботинки на ходу не сперли. Плохое это место, но ты прав – отсюда больше некуда идти.

– Ания тогда была с Империей или сама по себе?

– Парень, да если ты граничишь с Империей, значит, ты с ней. Или вы там, в своей Эгоне, кроме как про коз, ничего не знаете?

– Значит, Ания уже тогда была в Альянсе?

– Что? Какой такой Альянс? В очень мрачной заднице была твоя Ания. Или это слово теперь иначе называется? Надо запомнить... Альянс, говоришь...

– Так ты не знаешь, что такое Альянс?

– Первый раз слышу.

– Это военный союз, создан имперцами. В нем несколько стран вроде Ании, и у них общая политика. Если нападают на одну страну Альянса, все остальные мгновенно объявляют войну. Это ведь знают все. Раз ты не знал, значит, ты попал сюда еще до его образования. А это было сорок четыре года назад, если не ошибаюсь.

– Да хоть сто сорок четыре – какая мне разница? Родных у меня нет, если не считать много раз проклятую мамочку, а друзья мои здесь сгинули. Сам по себе я теперь. А если человек сам по себе, какая ему разница, сколько он проторчал тут? И насчет этого твоего Альянса... При мне уже бывало такое, что если кто-то на кого-то полез, то делал это с оглядкой. А то ведь окажется, что добыча твоя перед этим преданно у имперцев вылизывала все, что можно и нельзя, и те мигом в дело вступают. Вот эта Ания как раз из таких. Мелкая страна, и люди в ней мелкие, особенно в столице. Надо будет там не задерживаться – не люблю я их, да и вредно там долго торчать... Мы дальше подадимся – к Шадии или Хабрии, а может, в Нурию. Да не, ну ее, Нурию... там ботинки с ногами вместе спереть могут.

– Мне в Империю надо.

– Да зачем тебе туда надо? Степняков имперцы не сильно уважают, будешь ты там на правах деревенского дурачка – прибьют, и ничего им за это не сделают.

Тим, чуть подумав, вкратце рассказал Апу свою историю, начиная с того момента, когда в степи нашли следы пешего чужака. Он поведал о битве с черным человеком, о железной машине, с небес напавшей на становище, и о том, как Тим взорвал ее гранатой из аварийного комплекта космического корабля. Очень детально описал страшное состояние Егора Лемешко и свои мысли насчет возможности его излечения. Затем без лишних подробностей поведал о пророчестве, которое хитрый дед Ришак подогнал под то, что случилось с его внуком. Не умолчал и о постыдном эпизоде в Тувисе, когда шайка шлюх и бродяг едва не утопила Тима в сточной канаве, после чего он, оставшись голым, разгромил бордель, совершив при этом ряд убийств и членовредительств. Вкратце поведал о плавании на «Клио» и трагической судьбе корабля. И завершил свою историю коротким выводом:

- Теперь, Ап, ты должен понимать – мне действительно надо в Империю.

Ап слушал его очень внимательно и, даже если чего-то не понимал, никогда не перебивал. Выслушав последние слова, гигант, призадумавшись, кивнул:

- Да, я тебя понял. Тим, ты молод, и ты позволяешь судьбе вести себя за собой, а это путь для слабых. Я тебя мало знаю, но у меня глаз наметан – тебя ждет что-то большее, чем... Не могу сказать, слова путаются... Ладно, ты вот о чем подумай – вся эта шайка твоего деда сейчас тебя использует для своих замыслов. Ты это понимаешь?

- Конечно, понимаю.

- Вот! И ты послушно делаешь то, чего они хотят. Тебе это надо? Нет – это надо им. А надо делать то, что выгодно тебе. И самое трудное, что подвластно только самым сильным, – добиться того, чтобы те, кто хочет тобой управлять, захотели при этом делать то, что тебе надо. Получится, что всем будет хорошо – они считают, что ты в их руках, а при этом делают то, что тебе требуется. Вот это тебе под силу – есть в тебе какая-то хитрость сильного. Не выросло еще толком, но есть. Я это чую.

- Если ты такой умный, почему оказался здесь?

- Я не умный, я просто хитрый. Хотя, будь я грамотным, может, и по-другому моя жизнь обернулась бы... Судьба сталкивала меня с самыми разными людьми, и у каждого я чему-то учился. Учиться мне по душе. Если бы родился в нормальной семье, а не... Эх... Ладно, Тим, что-то я носом клевать начинаю – разморило меня как-то. Спасибо за сытный ужин, поползу я в пещерку, в эти водоросли. Только одежду прихвачу – просохла уже на ветерке. Ты идешь со мной?

- Нет, Ап, посижу еще у костра, мне это нравится.

- Ну сиди-сиди, только не усни так, сидя. Говорят, почти у всех степняков морды обгорелые из-за этой вашей привычки клевать носом у огня.

Тимур, не удержавшись, уже в спину Апу добавил:

– Может, ты и прав – я будто степная колючка, которую катает ветер, без своей воли и без своих желаний. Куда дует ветер, туда меня и несет. Но сейчас я хотел попасть в Империю не из-за этого «ветра». Я очень хочу, чтобы к Егору вернулся разум. Он – последний, кто связывает меня с небесами. И он мой друг. У нас никто не смог ему помочь, я мечтаю, что способ есть и имперцы его знают.

* * *

Денек выдался великолепный. Ветра почти нет, водную гладь залива нарушает лишь легкая рябь. Солнце поднялось в чистое небо и начало припекать с самого утра. К полудню стало даже жарковато, и Тим начал удивляться скудности растительности – при таком климате тут обязательно должны быть деревья. Даже не верилось, что неподалеку сверкает ледяными вершинами замороженный материк, да и льдины на берегу выглядели неуместно.

Судьба, сжалившись над «робинзонами», расщедрилась на богатые дары. Тим совместно с Апом наловил немало креветок, крабов и моллюсков, насобирал много съедобных водорослей. Уже после прилива, рыбака с низкой скалы, удалось вытащить парочку увесистых рыбин. Ап, забраковав «рецепт» Тимура, камбалой занялся собственноручно. Он не стал прожаривать ее на углях, а испек в золе, предварительно завернув в водоросли и обмазав эти клубки глиной. Блюдо получилось великолепным: от одного запаха слюна во рту плескаться начинала.

Несмотря на богатый улов, после ужина уцелели только моллюски – их решили не трогать, оставляя про запас. Ап, с его аппетитом, опять доел всех креветок, крабов и водоросли. Затем он до потемок сооружал деревянную острогу, обещая Тиму, что завтра с ее помощью наловит немало рыбы.

Ап не соврал. Проснувшись перед рассветом, гигант принялся бродить по кромке берега, обшаривая взглядом каждый камешек. Ветра не было, волн тоже, даже ряби не наблюдалось. На дне залива можно было различить каждую соринку – вода здесь будто чистейший хрусталь.

Наблюдательный Тим давно заметил, что вдоль той линии, где воды соприкасаются с берегом, постоянно снуют мириады крошечных созданий, а песок здесь кишит мелкими ракообразными, при опасности норвящими или закопаться, или свернуться в клубок. Оказывается, этот факт был прекрасно

известен рыбам – в темное время суток и на рассвете они заявлялись сюда на кормежку. Ловкий Ап сумел наколоть на свою острогу три увесистые камбалы и жирную серебристую рыбину с мелкими красноватыми глазами.

Но на этом гигант не успокоился. Когда прилив залил берег и пришлось прекратить сбор добычи, он, раздевшись, устроил заплыв к плоскому камню, выступающему над водой в паре сотен шагов от берега. Там Ап занялся нырянием. Тим, беспокоясь за здоровье товарища, криками призывал его прекратить это опасное занятие: купание в ледяной воде до хорошего не доведет. Но здоровяк не обращал на его вопли ни малейшего внимания – продолжал заниматься тем же. Замерзнув, подолгу отдыхал на камне, затем опять устремлялся ко дну.

Лишь когда солнце скрылось за обрывистым берегом, Ап вернулся назад, притащив завернутый в кусок парусины улов – почти шесть десятков отборных «устриц», причем самых крупных Тим не мог обхватить ладонью. Таких экземпляров он еще не встречал – очевидно, они предпочитали жить на приличной глубине.

За такие свершения Апу можно простить чрезмерный аппетит – клингер оказался полезным спутником. За ужином, уплетая улов, он даже заявлял, что если моллюски живут в полосе морского прибоя, то он и там их достанет, так что будет что ловить по пути. И вообще мужчина – не боров, спокойно пару дней может посидеть на голодном пайке.

Все это Ап высказывал с целью склонить Тима ускорить уход из этого места. Тот и сам был не против: сидеть здесь и дальше – только время терять. Гигант, похоже, полностью оправился от своей немощи, сам Тим тоже чувствует себя превосходно. Небольшой запас моллюсков у них имеется – если не усердствовать, то на пару дней можно растянуть. А за два дня по берегу уйдешь очень далеко – наверняка по пути найдется местечко вроде этого, где легче будет восстановить силы и пополнить запасы.

Поужинав, товарищи решили, что завтра, встав пораньше, наловят рыбы, креветок и крабов, после чего обогнут залив и направятся на север.

Многие искренне считают, что жизнь принца – это сплошное удовольствие. Принц Монк таких людей даже идиотами не считал – это явно низшие существа, по умственным способностям находящиеся приблизительно на уровне хлебной плесени. Даже его братец Олдозиз, чья жизнь подобна существованию ухоженного комнатного цветка, не всегда мог позволить себе то, чего ему очень хотелось. А ведь лучшее в мире удовольствие – это полное удовлетворение своих желаний.

Вот и сейчас, сидя на заседании Императорского Совета, Монк не мог удовлетворить и малой доли своих желаний. В данный момент, к примеру, ему очень хотелось построить всех собравшихся в две шеренги и кинуть жребий, по которому одна из шеренг отправится напрямиком на виселицы. Причем обойдутся шершавыми веревками, без мыла, да и удавливать их будут медленно, не разрывая позвонков. А вторую половину он лично передушит – голыми руками. Графа Тори Экского, первого председателя Совета, при этом поставит отдельно – он ведь достоин большего. Даже трудно придумать для него что-то подходящее... Может, на кол посадить? Хоть он и потомственный мужеложец, но даже ему это не покажется приятным. Хотя кто знает... Засунуть его в железный ящик и подвесить над огнем? Неплохая мысль – главное, чтобы лицо при этом не закрыть: уж очень хочется понаблюдать за его физиономией в этой непростой жизненной ситуации.

Граф Тори, не подозревая о садистских мечтах принца, продолжал свой доклад:

– Таким образом, уже в течение месяца мы сможем получить от гильдий сумму, которой нам хватит до зимы, при условии, что война не закончится раньше. Если все же закончится раньше, то выйдет неплохая экономия. Но как указал нам сейчас его светлость принц Монк, гильдийцы требуют особых гарантий возврата своих средств. Я правильно понимаю ситуацию?

Принц небрежно кивнул, при этом мысленно представив, как граф Тори корчится в железном ящике, подвешенном над огнем. На раскаленных стенках пузырятся моча и слюна, губы лопаются в непрекращающемся крике, в ноздри бьет вонь поджаренных испражнений и горелых волос. Первый председатель, не подозревая о жутковатых мечтах Монка, продолжил:

– Если мы гарантируем возврат до зимы от лица Совета и принца, то нам следует согласиться с их основным требованием. Они предлагают в случае, если деньги не будут возвращены до зимы, на один год упразднить подоходный налог, отменив его выплаты и учет. При этом сам долг будет считаться погашенным. По нашим подсчетам, сумма, которую они на этом выгадают, несколько превышает выплаты по долгу. Но не следует забывать, что на целый год мы сможем сократить количество чиновников, занимающихся учетом доходов гильдий, что приведет к экономии немалых средств. Таким образом, их условия вполне справедливы и выгодны для нас. Война, затеянная столь неожиданно, потребует огромных затрат, причем деньги нужно найти немедленно. Королевский Совет предлагает вам, ваша светлость, воспользоваться именно этим предложением. Война – это прежде всего деньги, а уж потом все остальное. Хабрия – это не та страна, на которой легко сэкономить.

В этот момент перед затуманенным взглядом принца возникло видение, как от жара у графа Тори лопаются глаза, а во рту начинает тлеть язык.

Встрепенувшись, Монк неожиданно поинтересовался:

– Мой любезный граф, не могли бы вы мне пояснить еще одну вещь?

– Ваша светлость, я весь в вашем распоряжении. Все, что в моих силах, – только скажите.

– Вот скажите мне – кто в Империи самый главный? Не отвечайте – я сам отвечу. Империей правит император. Так? Так! Без помощников ему не обойтись, и самые ближние объединяются в Совет. Так? Так! Так почему мы живем в Империи, правит нами император, а круг его ближайших помощников называется «Королевский Совет»?! Почему?! Я вам на это отвечу – это потому, что у нас, в Империи, слишком много врожденных уродств. При этом наиболее распространено отсутствие головного мозга и перестановка плечевых суставов в область ягодиц. Самое обидное, что люди, страдающие этими врожденными недугами, зачастую ухитряются добиваться высокого положения. Это вообще-то неудивительно – ущербные всегда стараются держаться друг за друга, поднимать своих убогих повыше, а тех, кто на них непохож, спихивают вниз. Вот и получилось, что сейчас таких калек в этом зале большинство. И не только в этом – они захватили уже весь дворец и прилегающую территорию. Ими оккупирован совет провинций, министерские дома и Немерват. И что меня печалит больше всего – об этом знает вся Империя. Те же гильдийцы прекрасно все понимают и без зазрения совести используют недостатки наших убогих,

блестяще приспособливая их к личной выгоде. У купцов глаз наметан – они с одного взгляда определяют безмозглых и тех, у кого руки растут из срамных мест.

На последних словах принц окинул взглядом присутствующих, причем этот взгляд был настолько красноречив, что все почувствовали себя теми самыми убогими калеками.

– И вот в нашем случае что делают почтенные гильдийцы? А ничего особенного – они приходят к безмозглым уродцам и суют им свои так называемые «предложения». Что они предлагают? А ничего особенного – они предлагают профинансировать нашу войну с Хабрией. Казна ведь сейчас не слишком полна, и все это прекрасно знают, значит, императорский заем неизбежен. Разумеется, безмозглый идиот испытывает позитивные эмоции – теперь Империя спасена и у нее появятся необходимые средства. Он радостно передает деньги своим дружкам – тем самым, у которых руки растут из необычных мест. И эти обиженные жизнью калеки начинают направлять огромные средства на армию. Вот так это смотрится на первый взгляд – взгляд идиотов и этих самых... даже не знаю, как их прилично назвать... тех самых, с плечевыми суставами в области ягодиц. Тех самых убогих созданий, которые в свое время даже не удосужились переименовать Королевский Совет в Императорский. То-то, наверное, смеялся Первый Император. Он ведь был большой шутник, знаете ли... В частности, любил украшать деревья в саду фигурами идиотов, способных принять предложение, подобное тому, которое мы рассматриваем. Подвешивал их за шею. Без мыла. Во времена его правления прядильщики веревок озолотились и даже до титулов добрались – в Империи есть несколько дворянских родов, на своих гербах имеющих изображение пеньковой петли. Вот скажите мне, любезный мой граф, а знаете ли вы, что большая война – это золотая жила для купцов? Медянщики, во время Такинской войны организовавшие снабжение по морю, теряли каждый четвертый корабль, но даже при этом ухитрялись получать колоссальный доход. Из присутствующих кто-нибудь об этом слышал?

Все помалкивали – разговаривать с принцем в такие моменты было неблагоприятно.

– Никто, значит, не слышал? Господа, может, мне кликнуть слуг – попросить прикрыть окна? А то я явственно слышу, как сквозняки гуляют в многочисленных пустых черепках. При такой опасной вентиляции горло можно простудить, а это недопустимо – ведь вы первые лица Империи, ваши гортани и шеи –

национальное достояние. Особенно шеи, – сделал принц многозначительную паузу. – Ладно, вернемся к нашим деньгам. Итак, что мы имеем? Мы получаем Империю с огромным долгом, причем возможности погашения этого долга до зимы весьма сомнительны. То есть в итоге долг будет аннулирован, а гильдии на один год освободятся от подоходного налога и устранятся от государственного контроля над их доходами. А ведь год будет военный – золотой для торговцев. Они, возможно, заработают вдвое, а то и втрое больше, чем обычно. И при этом не заплатят ничего. Ну, если не считать этой безделицы в виде займа. Заем в лучшем случае окажется в четыре раза меньшим, чем сумма невыплаченного налога, – начисление ведь нелинейное. Но и это еще не все! Как, по-вашему, куда вообще пойдет этот заем? Да к тем же гильдиям и вернется, через те самые руки, растущие сами понимаете откуда. Военные заказы, контракты, транспортные услуги. Причем все это гильдии предоставят по военным ценам, и при этом еще украдут немало. На одну монету займа они в итоге получают десять. А с чем останемся мы? Откуда мы возьмем деньги в следующем году? Еще один заем? Под такие же грабительские условия? Господа, хочу вас поздравить с намечающимися переменами! Очень скоро наш дворец будет называться торговым домом, а править в нем будет какой-нибудь купец – ведь если все пойдет так, как вы тут решаете, то вся власть в Империи неминуемо окажется в лапах торгашей. Я бы мог сейчас вас всех арестовать по подозрению в подготовке переворота – ведь ваша деятельность прямо ведет к свержению существующего порядка. Но, к вашему счастью, я прекрасно понимаю, что вы не в состоянии до такого додуматься: ума не хватит. А раз виноваты не вы, то кто? Граф Тори, дайте мне эту вашу бумагу, я посмотрю фамилии. Хотя не надо – не будем терять время, арестуем для начала всех, а уж потом разберемся. Азере!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/artem-kamenisty/dorogi-smertnikov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)